

Т 101

СПб АРХ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАНИЕ
2002

Очерки истории отечественной археологии

Выпуск III

МОСКВА «НАУКА» 2002

Из научного наследия:

Записка о присуждении ученых степеней С.А. Жебелёва

Предисловие публикатора

Предлагаемая вниманию читателей неизданная работа¹ академика Сергея Александровича Жебелёва (1867–1941) затрагивает тему, актуальную во все времена, – теорию и практику аттестации научных и педагогических кадров, главного фактора формирования российской научной элиты. Как и многие другие его историографические статьи, она была сознательно написана, что называется, “в стол”, без надежды на публикацию при собственной жизни. Если сразу после Октябрьской революции 1917 г. тревогой и размышлениями о судьбах России и русской науки наполнены письма Жебелёва к учителю – академику Н.П. Кондакову (1844–1925), друзьям и коллегам В.П. Бузескулу (1858–1931) и А.А. Васильеву (1867–1953), то к середине 1930-х годов поделиться наболевшим было уже не с кем – первые два скончались, второй оказался в эмиграции в США. Многолетняя дружба с другим эмигрантом – академиком М.И. Ростовцевым (1870–1952) – в советское время принесла Жебелёву тяжелейшие нравственные страдания из-за административных санкций со стороны руководства АН СССР, ГАИМК и различных общественных организаций в ходе его пресловутого “дела” (1928–1929), в результате чего ученый должен был пойти на унижительный компромисс с собственной совестью и новой властью². “Дело Жебелёва” стало предшественником знаменитого “академического дела” (дела историков, 1929–1931), затмившего его по серьезности последствий, а затем и травли академика, причисленного к стану “классовых врагов на историческом фронте”, в марксистской печати 1929–1931 гг.

Большая статья, или записка “Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем”, затрагивающая тему присуждения ученых степеней в царской России и СССР, и ныне представляет актуальный интерес, так как поднимает принципиальные вопросы подготовки научных кадров и их квалификационной оценки, что является предметом оживленной дискуссии и в наше время. Как известно, вскоре после

революции в 1918 г. старая система аттестации научных кадров была упразднена, отменены ученые звания и степени. Последние были возрождены двенадцать лет спустя постановлением СНК СССР от 13 января 1934 г. “Об ученых степенях и званиях”. К моменту окончания статьи – 24 августа 1935 г. – завершили работы две квалификационные комиссии, членами которых являлся Жебелёв, – при Отделении общественных наук Академии наук СССР, которая провела четыре заседания с декабря 1934 г. по июнь 1935 г., и при ГАИМК, собиравшаяся дважды в начале июня 1935 г. Комиссии решали вопрос о присуждении ученых степеней сотрудникам своих учреждений, т.е. определяли квалификацию конкретного лица в области данной научной дисциплины по объему знаний, степени самостоятельности научной работы и ее научному значению. Под впечатлением работы в комиссиях Жебелёвым и была написана публикуемая статья, где автор с горечью проводит сравнение до- и постреволюционной процедуры аттестации научных кадров, причем, очевидно, не в пользу последней. Вполне естественно, что Жебелёв акцентирует внимание читателей на положении в близких ему гуманитарных дисциплинах – философии, лингвистике, классической, русской и романо-германской филологии, всеобщей и русской истории, археологии, истории искусств, востоковедении.

Состояние гуманитарных наук является своего рода зеркалом, отражающим отношение к ним государства и общества. До революции 1917 г. в крупнейшей мировой державе – Российской империи – была создана гуманистика европейского уровня, оказавшая влияние на развитие мировой научной мысли во многих областях знаний. Она оказала формирующее воздействие на целый ряд гуманитарных дисциплин (византиноведение, славяноведение, востоковедение, история искусств и проч.) и в известной мере определила оригинальные черты отечественной науки. Это обстоятельство отчетливо осознавали и сами русские ученые³.

В числе причин, обусловивших значительный вклад России в мировую цивилизацию, важное место занимал высокий уровень требований, предъявляемых к подготовке научных кадров. Постоянное совершенствование критериев проверки знаний соискателей ученых степеней предотвращало засорение научного и преподавательского состава случайными и неквалифицированными людьми⁴. Сравнительно многочисленная дворянско-буржуазная и разночинная интеллигенция питала широкую сеть образовательных институтов – университетов, духовных академий и семинарий, историко-филологических институтов и лицеев, гимназий и проч. Дореволюционные учебные заведения давали своим воспитанникам широкую общекультурную подготовку и прежде всего знания древних и новых европейских языков. Сложившаяся система на протяжении всей жизни специалиста предусматривала возможность совершенствоваться образованием и проводить исследования за границей, причем не толь-

ко "оставленным при университете для подготовки к профессорскому званию", но и вполне сложившимся ученым, уже имеющим степени магистра или доктора. Таким образом, русская гуманитарика планомерно вошла в контекст мировой науки и воспринимала себя ее составной частью.

Естественный ход развития русской гуманитарной науки оказался насильственно прерванным революцией и установлением советской власти. Октябрьский переворот, гражданская война, революционный террор и репрессии, год от года усиливающееся политическое и идеологическое давление стали подлинной катастрофой для русской науки: многие ученые старшего поколения умерли от голода, другие эмигрировали, третья ждала незавидная участь на родине. На глазах С.А. Жебелёва происходило разрушение научных школ и запрещение целых направлений в науке (церковная археология, агиография, византистика и проч.), что не могло не сказаться на его оценках. "Насильственным образом прервалось осуществление важнейших научных предприятий, — констатировал И.П. Медведев, — остался нереализованным обширный научный материал, накопленный широким кругом крупнейших исследователей; оказались вообще вычеркнутыми из культурной памяти нации имена подлинных столпов гуманитарного знания в России"⁵.

Планомерное уничтожение городской интеллигенции, разрушение дореволюционной системы образования и науки, разрыв связей с западными коллегами привели к катастрофическим для русской культуры последствиям. Радикальные перемены к худшему происходили на фоне насаждаемой извне идеологизации общественной жизни. "Классовые ограничения" при приеме в вузы, массовый приток в них выходцев из трудовых слоев общества с низким уровнем общей культуры привели к неизбежному упрощению лекционных курсов, принимавших все более популярный характер, и, как следствие, к вульгаризации самого знания⁶. Об этом с горечью, полунамеками пишет С.А. Жебелёв. Плоды этой пагубной политики очень скоро сказались на уровне развития наук гуманитарного цикла.

С созданием института практикантов, а затем и аспирантуры, как правило, формировавшихся по партийно-классовому признаку, советские власти связывали надежды на воспитание новых кадров научно-педагогической интеллигенции, призванных заменить ученых "старой школы". Молодая научная поросль на глазах С.А. Жебелёва все активнее выходила на первый план, "энергично перелицовывая... историю на марксистский лад"⁷, и занимала ключевые посты в академической, вузовской и музейной иерархии. Родное Жебелёву антиковедение, по меткому выражению Э.Д. Фролова, к началу 1940-х годов "совершенно (или почти совершенно) утратило качество самостоятельной гуманитарной дисциплины, превратившись в полигон для марксистских политэкономических упражнений"⁸. Во многом для повышения научного статуса лояльных совет-

ской власти выдвинутых, часть которых, на взгляд Жебелёва, оказалась просто неподготовленной для научной работы, правительством СССР и было принято постановление "Об ученых степенях и званиях" (1934), значительно снижавшее, по сравнению с дореволюционной практикой, высокий уровень требований, предъявляемых к подготовке научных кадров в стране. В сложившихся условиях перерождение и деградация гуманитарных наук были неизбежны. Об этом пытался предупредить своих коллег Жебелёв в публикуемой ниже статье, но его записка оказалась погребена в архиве. Последствия этого "вырождения" науки мы пожинаем до сих пор.

Текст статьи Жебелёва публикуется по автографу с авторской правкой. Авторские подчеркивания выделены курсивом.

Подстрочные примечания отмечены звездочкой и принадлежат С.А. Жебелёву. Примечания, отмеченные цифрами, принадлежат комментатору и помещены в конце текста.

И.В. Тункина

С.А. Жебелёв

Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем

I

Когда были введены у нас ученые степени⁹, мне неизвестно. В приложенном к книге В.В. Григорьева (Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования) списке лиц, удостоенных магистерской и докторской степени¹⁰, список этот начинается с 1834 г.¹¹ Следовательно, степени давались и при действии устава 1819 г.¹²; давались они и при уставах 1835, 1863 и 1884 г.¹³, пока не были отменены в один из первых годов революции – когда именно, не помню¹⁴. Возродились степени в 1934 г.¹⁵, но прежде чем говорить об этом возрождении, скажу немного о тех порядках присуждения степеней, какие существовали с 1886 г., когда я поступил в университет и ознакомился с его порядками и в этом направлении как очевидец. Правда, то, что я буду сообщать, основано исключительно на практике историко-филологического факультета. Но, очевидно, и на остальных факультетах порядки эти были те же самые.

Прежде всего должно сказать, что ученых степеней было две: магистра и доктора. Ученой степени кандидата¹⁶ не существовало. По уставу 1863 г. кандидат было звание, с которым кончал университет студент, если для этого получал достаточное количество требуемых высоких отметок, причем утверждение в звании кандидата требовало непременно представления диссертации на утвержденную соответствующим профессором тему. Никакой защиты этой диссертации не требовалось – все дело ограничивалось беседой с профессором, которому диссертация была подана. Лица, не имевшие на экзаменах положенного количества высоких отметок, получали звание действительного студента (по табели о рангах кандидат при зачислении на службу получал чин 10 класса, действительный студент – 12).

Те же порядки продолжались и при уставе 1884 г. с тою лишь разницей, что вместо “кандидат” студент получал звание “окончившего курс с дипломом 1-й степени”, вместо действительный студент – “окончивший курс с дипломом 2-й степени”. От первого требовалось представить в государственную комиссию сочинение, от второго не требовалось, хотя и он представлял, ибо не знал, как

пройдут экзамены. Сочинение, написанное студентом во время прохождения курса на заданную факультетом тему и удостоенное медали или почетного отзыва, заменяло “кандидатскую” диссертацию. И при уставе 1884 г. все эти сочинения не подвергались никаким “защитам”; все дело ограничивалось или отзывом, который соответствующий профессор писал на самом же сочинении, или выставлением отметки: ву, у, ну¹⁷ (последние если и бывали, то уже в совершенно исключительных случаях).

Требование представлять при окончании университетского курса диссертацию имеет глубокий смысл. Молодой человек, окончивший университет, должен не только обогатить себя известной суммой знаний по избранной специальности, но и должен показать, что он способен научно мыслить и умеет связать и излагать эти мысли общепонятным языком. Лишь в таком случае он может претендовать на звание образованного, интеллигентного человека. А все это удобнее всего было показать в диссертации, т.е. в рассуждении на научную тему, как бы она ни была мала по объему и незамысловата по содержанию. Никакой экзамен, как бы строг он ни был, не в состоянии заменить хотя бы скромной, но добросовестно написанной диссертации. Экзамен всегда был, есть и будет носить в себе характер случайности, зависящей в свою очередь от целой сети “случайностей”, присущих как экзаменатору, так и экзаменуемому. И в американских университетах поступают совершенно целесообразно, когда экзаменующийся дает свои ответы не в устной, а в письменной форме на ряд поставленных экзаменатором вопросов. Что написано пером, того не вырubiшь топором. Слово же – воробей, улетит и его не поймаешь. Наконец, письменный ответ свидетельствует и о “грамотности” экзаменуемого, без которой претендовать на звание “внутреннего интеллигента” не приходится. Что было бы теперь у нас, если бы по-американски ввели письменные экзамены – легко представить себе¹⁸.

Итак, окончание университета со званием “кандидата” вовсе еще не означало того, что всякий кандидат приуготовляет себя в дальнейшем к научной деятельности. Будущие наши ученые вербовались раньше главным образом из так называемых оставленных при университете, чему теперь соответствует сословие аспирантов¹⁹, или, как их называли, экспирантов (были ли еще одно время какие-то “практиканты”²⁰, но в чем разница между ними и аспирантами, не знаю).

Как происходило, прежде всего, оставление при университете? Если у профессора оказывался во время прохождения студентом университетского курса молодой человек, подающий надежды на то, что из него может (но не обязательно) выработаться ученый, если этот молодой человек прилично (не обязательно отлично) сдал все экзамены (выпускные) и если он, в особенности, представил хорошую диссертацию на звание “кандидата”, профессор предлагал

такого молодого человека к оставлению при университете на срок от двух до трех, и даже иногда более, лет. Мотивированное предложение об этом делалось в заседании факультета, а в следующем заседании факультета предложенный к оставлению подвергался баллотировке (закрытой) со стороны всех присутствующих членов факультета. Если он получал большинство голосов, то он и считался оставленным при университете. "Оставление" требовало утверждения со стороны попечителя округа, который впрочем руководствовался в положительном или отрицательном утверждении не научной зрелостью кандидата, а его политической благонадежностью. Случаи неутверждения бывали очень редки, но бывали. Одни из оставленных получали в течение двух лет стипендию в размере 50–100 руб., другие не получали стипендию; некоторые получали иногда единовременное пособие. Огромное большинство оставленных, даже из числа получавших стипендию, поступали на службу (филологи обыкновенно учителями гимназий, так как они "уча учились"), но если они и не поступали на службу, то годы оставления засчитывались им в службу в том случае, если они с течением времени становились профессорами.

Нужно сказать, что факультеты были скорее щедры, чем скупы в вопросах об оставлении при университете, особенно в тех случаях, когда кандидат в оставленные не претендовал на получение стипендии, т.е. не посягал на казенные деньги (число стипендий было строго ограничено: определенное количество стипендий оплачивалось казенными суммами, определенное же количество оплачивалось из специальных сумм университета). Всякого мало-мальски подающего надежды на то, что из него выработается ученый, оставляли при университете.

Из профессоров одни предлагали кандидатов к оставлению со строгим выбором, другие – без особо строгого выбора; это в особенности развилось с начала XX в., когда профессоров обуюло стремление "создать школу". Тут предлагались кандидаты к оставлению если не десятками, то в пределах одного десятка. Особенно в этом отношении усердствовал И.А. Шляпкин. И факультет его однажды "проучил". Из предложенных им к оставлению он демонстративно забаллотировал добрую половину. Достаточное количество предлагали к оставлению также С.Ф. Платонов, А.И. Введенский²¹. Оттого-то у нас и получилось так много специалистов по русской литературе, русской истории, философии. Конечно, здесь нужно считаться и с "объективными причинами": русские студенты, естественно, тяготели к русской истории и литературе, при занятиях которыми в меньшей степени требовалось знание иностранных языков, которым к тому же нас всегда учили прескверно; что касается философии, то здесь, помимо той широкой популярности и по заслугам, какими пользовался А.И. Введенский, прельщал и сам предмет и стремление, врожденное человеку, "философствовать".

Как теперь обстоит дело с "набором" аспирантов, являющихся, в сущности, теми же прежними оставленными при университете, мне неизвестно. Из аспирантов Академии наук мне не приходилось сталкиваться ни с одним. Из аспирантов ГАИМК²² я знаю более или менее близко двоих, работающих в области моей специальности, но не под моим руководством²³. Оба они далеко не соответствуют, по имеющейся у них подготовке, прежним оставленным, даже и наиболее слабым из их числа: они крайне скудны в отношении элементарных знаний, они совершенно не проделали семинарской работы. Зато они, как и полагается малосведущим в научном отношении людям, очень самонадеянны, очень скоры на всякого рода общие и априорные построения и заключения. Любят очень много говорить на общие темы хотя бы и в области изучаемой ими специальности. В общем уровень их подготовки к научной деятельности очень невелик и страдает большими дефектами. При прежних требованиях и представлениях о ней из них не должны выработаться ученые. Дай бог, чтоб я оказался тут ложным пророком! На меня они производят впечатление "свораченных от малых сих". Ибо и теперь, как и прежде, профессора гонятся за тем, чтоб у каждого из них был хотя бы один аспирант.

Заинтересованы в аспирантах и учреждения, к которым они прикреплены. Характерно, что один из упоминаемых мною аспирантов, еще не окончивший курс аспирантуры, не защищавший диссертации, уже допущен к руководству практическими занятиями на историческом факультете Ленинградского университета*, другой, в таких же условиях находящийся, принят на службу в Эрмитаж. Что

* Этот аспирант, как и трое других, желавших стать аспирантами при историческом факультете, были подвергнуты осенью 1934 г., по моему требованию, предварительной проверке на знания древних языков. Каждый из них должен был с помощью словаря разобраться в коротком отрывке от 3 до 5 строк легкого текста. Долго они корпели над этими отрывками, готовы были, казалось, истрепать бывшие в их руках словари. Результаты были такие – и не при моей строгости, вошедшей в обиход, а при моей крайней снисходительности – трое провалились по обоим языкам, четвертый, хотя и его должна была постигнуть, строго говоря, та же участь, так как отвечал все же лучше других, получил отметку "удовлетворительно" и таким образом оказался зачисленным в аспиранты. Если бы об этом предварительно спросили меня, я должен был бы по совести высказаться против его. И я чувствую теперь угрызения совести, что "не провалил" и этого аспиранта, которому следовало бы предварительно пройти настоящий университетский курс, хотя он и прошел уже таковой в Бакинском университете. Вообще по тем примерам, с какими мне приходилось до сих пор сталкиваться, дело с "аспирантурой" в области изучения античного мира пока обстоит неблагоприятно. А как сложится оно в дальнейшем, увидим. Заниматься научно античностью, без мало-мальски приличного знания древних языков невозможно. А и то сказать: где и при каких условиях знание это можно было получить? Теперь хотят этому знанию выучить в один-два года. Ошибаются в расчете – не обучат. Поэтому-то мне и кажется, что у нас долго еще не будет настоящих специалистов-античников, и никакая "смены" здесь не предвидится.

касается третьего аспиранта, прикрепленного ко мне в качестве руководителя его (на историческом факультете), то он (правильнее она) занимался у меня лишь еще в течение нескольких месяцев, и я не могу связать, что из него выйдет.

Но "аспирантура" отвлекла меня от "оставленных". И из их числа далеко не все становились учеными, но многие все-таки становились, так что в этом отношении институт "оставленных" оправдал возлагавшиеся на него надежды и делавшиеся на него очень скромные материальные затраты (в этом отношении "аспирантура" стоила и стоит куда дороже). Время "оставления" оставленные обыкновенно употребляли на подготовку к магистерскому экзамену, который обязательно должен был предшествовать допущению к защите магистерской диссертации. Некоторые успевали подготовиться в два-три года, другие – больше, наконец третьи, таких было меньшинство, сдавали магистерский экзамен уже тогда, когда у них была не только готова, но и напечатана магистерская диссертация. Магистерский экзамен вовсе не состоял в расширенном повторении университетского экзамена. Для него не было выработано никаких определенных программ. Эти программы составлялись будущими экзаменаторами всегда индивидуально и всегда приравнивались к той специальности, по которой желал идти оставленный, причем сами предметы делились на основной и дополнительный. Лишь для специализирующихся по классической филологии такого деления на предметы не было, все они были основными*.

Вот каковы были предметы по отдельным специальностям: "философы" сдавали в качестве основного предмета философию (она дробилась на следующие отделы: логика, психология, этика, история философии); дополнительными предметами были: чтение, перевод и интерпретация одного из диалогов Платона, одного из трактатов Аристотеля и какое-либо произведение из латинских авторов (например, Лукреций, один из философских трактатов Цицерона и т.п.)²⁴. Экзамен для "классиков": основные предметы греческий поэт и прозаик (оба в полном объеме, по выбору экзаменуемого); перевод и комментарий; история греческой и история римской литературы (иногда целиком, иногда какой-либо крупный отдел ее); грече-

* Экзамены можно было сдавать в порядке, устанавливаемом самими экзаменуемыми, но так, чтобы все экзамены были закончены в течение полугодия (каникулярное время при этом в расчет не принималось). Никаких переэкзаменовок не допускалось, и провал на одном экзамене аннулировал весь экзамен в его совокупности. Прийти вторично на экзамен и снова держать его по всем предметам разрешалось лишь по истечении года после первой неудачной попытки. Провалившийся и вторично не терял права подвергнуться новому экзамену, но уже в другом университете. Ответы оценивались лишь двумя отметками – или удовлетворительно, или неудовлетворительно. Все экзамены происходили в заседании факультета, но обыкновенно не *in pleno* [в полном составе (лат.) – И.Т.], а комиссионным порядком. Всякому экзамену ввели протокол с перечислением всех предложенных экзаменуемому вопросов.

ские и римские государственные древности. Сравнительное языкознание: основной предмет – сравнительное языкознание, санскрит; дополнительные предметы: греческий и римский писатель, интересный с диалектической точки зрения. Для словесников: основной предмет – русский язык и литература (с дифференциацией языка или литературы, в зависимости от уклона экзаменуемого); из истории литературы обязательно отдел из древней литературы и отдел из новой литературы; дополнительные предметы – русский язык (язык *gerp.*²⁵ литература), один из отделов западноевропейской литературы: один из отделов славянских литератур (*gerp.* языков). Русские историки: основной предмет – русская история (отдел из древнерусской истории до XVIII в. и отдел из истории с XVIII в.); дополнительные предметы: один из отделов всеобщей истории, древняя, или средняя, или новая; политическая экономия. Всеобщая история: основной предмет – один из отделов всеобщей истории, древняя, средняя, новая (при этом для специалистов по древней истории обязательное изучение в оригинале одного из греческих и одного из римских историков, а также избранные греческие и латинские надписи), дополнительные предметы – один из отделов всеобщей истории, один из отделов русской истории, политическая экономия. Славянская филология: основной предмет – один из славянских языков и литератур; дополнительные предметы – один из славянских языков и литератур, русский язык *gerp.* литература в зависимости от уклона экзаменуемого. История искусства: основной предмет – один из отделов истории искусства; дополнительные предметы – один из отделов истории искусства, греческие и римские бытовые древности*.

Выдержавший магистерские испытания становился магистрантом и приступал к работе над магистерской диссертацией. Устав 1884 г. предоставлял магистранту после прочтения двух пробных лекций, одной на тему по собственному выбору, другой – по назначению факультета, искать звания приват-доцента, т.е. стать университетским преподавателем. Большинство магистрантов этим правом и пользовались, большею частью в ущерб себе, так как сложное и ответственное дело университетского преподавания неизбежно отвлекало их от работы над магистерской диссертацией, а последняя, как увидим ниже, не давала им еще права получить профессию, т.е. зачислиться в штат. Да и для материального обеспечения при-

* Для специалистов по истории церкви экзамены производились не в университете, а в духовной академии, так как к занятию кафедры истории церкви допускались лишь лица, прошедшие не только круг факультетских наук, но также круг, хотя бы частичный, наук богословских. На практике профессорами по кафедре истории церкви были либо доктора, либо магистры богословия. Устные испытания заканчивались клаузурой, т.е. писанием сочинения на заданную профессором тему из области специальности экзаменуемого. Это была уже простая формальность, так как профессор обыкновенно называл экзаменуемому если не самую тему, то тот отдел, откуда эта тема будет взята.

ват-доцентура не давала почти ничего, так как лишь незначительная часть приват-доцентов получала вознаграждение за чтение лекций, лишь те из них, которые имели так называемые курсы по поручению факультета. Самое вознаграждение приват-доцентов не превышало 100 руб., что заставляло приват-доцента искать себе заработка на стороне, т.е. снова отвлекало их от диссертации. И вышло так, что многие приват-доценты так все время и оставались ими, т.е. не защитили даже магистерской диссертации, не говоря о докторской (например, на историко-филологическом факультете Адрианов, приват-доцент с 1905 г., Гребенкин – с 1909 г., Евлахов – с 1908 г., Каль – с 1904 г., Коган – с 1911 г. Поварнин – с 1904 г., А.А. Смирнов – с 1911 г., Спицын – с 1909 г., Строев – с 1902 г., Хилинский – с 1910 г., Шебор был приват-доцентом с 1876 г. по 1896 г.)²⁶, другие защитили магистерскую диссертацию десятком лет спустя после того, как сдали магистерские экзамены. Причины здесь могли быть разнообразные, но одной из них, несомненно, была приват-доцентура.

Что касается самого способа достижения приват-доцентуры, то и он едва ли мог бы считаться правильным – экзамен и две пробные лекции. Первый свидетельствовал только о том, что будущий университетский преподаватель обладает известной суммой знаний по своей специальности и по сродным с нею; пробные лекции – что он может связно и зрело излагать тему, как ему порученную, так и им самим избранную. Правда, в последней из них будущий приват-доцент мог проявить себя и исследователем, т.е. показать то свойство, которым в первую очередь должен обладать университетский преподаватель, если только не ограничивать университетское преподавание пересказом того, что сказано другими, хотя бы и заправскими учеными. Но на эту черту пробных лекций как-то слишком мало обращали внимание, довольствуясь тем, чтобы лекции были прочтены “грамотно”. К тому же самое чтение двух лекций в заседании факультета, всегда перегруженном всякого рода делами, относилось обыкновенно на конец, когда все члены факультета уже подумывали о том, чтобы поскорее идти домой, превратилось, надо сказать правду, в простую формальность. Я прослушал очень много пробных лекций и не помню случая, когда какая-либо лекция была прочтена вся целиком, от начала до конца – а лекции каждый из читающих заготавливал *minimum* на час. Обыкновенно уже на четверти лекции декан, взглядом опросив факультет, не довольно ли, прерывал чтение лекции и предлагал читающему перейти к другой, которую постигала та же участь. Если лекция и подвергалась обсуждению, то самому краткому, и дело кончалось тем, что читавший признавался достойным получить звание приват-доцента, в каковом звании он обыкновенно и был утвержден попечителем – обыкновенно, но не всегда, если ищущий приват-доцентуры признавался попечителем неприемлемым в качестве университетского преподавателя по причине его политической, в глазах попечителя, неблагонадежности.

Такие случаи бывали редки, но бывали. И многие из неутвержденных должны были менять карьеру ученого на другую, и очень часто “правительство” тем самым создавало себе “врагов”, так что в этом случае оно всецело работало на пользу революции. Вожди слепы!”

Я могу припомнить всего лишь один случай, когда факультет признал прочитанные лекции (Жаковым – философом)²⁷ неудовлетворительными. Это побудило Жакова потом изменить свою специальность и попробовать стать сравнительным языковедом. Но кажется и эта попытка успеха не имела, хотя как будто на этот раз лекции его были признаны удовлетворительными.

Само собой разумеется, в серии прослушанных мною пробных лекций были лекции прекрасные, были лекции и далеко не прекрасные, а либо ординарные, либо и вовсе плохие. Не в этом дело. На мой взгляд, самое допущение к приват-доцентуре на основании заслушанных пробных лекций, в особенности если считаться с установившимся *modus*’ом чтения, было в корне неправильным. Лекции могли остаться, по крайней мере одна из них, именно – по назначению факультета, и она должна была читаться не факультету, а студентам в присутствии декана и профессоров-специалистов**.

Лекция же по выбору будущего приват-доцента должна была носить характер той лекции, которая при прежнем уставе 1863 г. носила название *dissertatio pro venia legendi*²⁸. Это должна была быть небольшая работа (печатный лист, *maximum* два), непременно напечатанная и исполненная не в форме лекции, а в форме научного исследования. Эта диссертация должна была бы быть подвергнута обсуждению, но не в форме публичного диспута, как магистерская и докторская диссертации, а просто в заседании факультета и, конечно, в присутствии автора, которому специалисты должны были указать как на достоинства, так и на недостатки его работы. Это было бы первое “боевое крещение” будущего ученого, и уже в конце такового он вступил бы в среду университетских преподавателей, как, применяясь к недавно бывшей у нас в ходу терминологии, начинающий ученый, но именно как ученый, т.е. исследователь, а не толковый компилятор, ибо что бы ни говорили о пробных лекциях, они, даже наилучшие из них, дальше компиляций не шли. А для университетского преподавателя этого мало, так как он должен быть не просто толковым преподавателем, но и научным исследователем.

В этом отношении устанавливающаяся у нас практика требовать от аспирантов кандидатской диссертации (а “диссертация” значит прежде всего “рассуждение”) должна быть признана совершенно правильной. Но и тут нужно избегать перегибов, т.е.: 1) не только не требовать обширных по размерам диссертаций, но всячески

* Лица, удостоенные степени магистра или доктора, допускались непосредственно к приват-доцентуре. Лица, имеющие степень доктора заграничных университетов, освобождались от магистерских экзаменов.

** Такой порядок, насколько мне известно, и установился в Московском университете.

пресекать это зло; зато требовать обязательно, чтоб диссертация, пусть в один-два печатных листа, представляла собою строго научное исследование; 2) не устраивать публичной защиты кандидатских диссертаций, а ограничиваться обсуждением их в пленарных заседаниях факультетов или институтов – этого за глаза достаточно, а всякого рода лишних “помп” в научных делах следует избегать.

Защите диссертации должен предшествовать обязательно colloquium, соответствующий, mutatis mutandis²⁹, прежнему магистерскому экзамену. Перечень предметов, входящих в colloquium, должен быть выработан центральной властью и быть однообразным для всех учреждений, т.е. факультетов или институтов; программы самих предметов должны быть более или менее также однообразны и утверждаться в каждом отдельном случае подлежащими инстанциями, т.е. факультетами или институтами.

Выбор темы для диссертации должен быть всецело предоставлен аспиранту, но утверждаться также теми же инстанциями. Диссертация по мере возможности должна быть представляема в печатном виде. Успешная “защита” ее должна представлять “кандидату” право быть преподавателем или руководителем практических занятий просеминарского типа в высшем учебном заведении по специальности кандидата, но он не имеет права быть профессором и руководить практическими занятиями семинарского типа, поручаемыми лишь профессорам. К защите “кандидатской” диссертации может быть допущено лицо, окончившее высшее учебное заведение, хотя бы это лицо и не прошло “аспирантуры”; однако в этом случае colloquium, предшествующий защите, должен производиться по более углубленной программе. Само собою разумеется, что диссертация может быть допущена к защите лишь после отзыва о ней со стороны по крайней мере одного специалиста из числа лиц, имеющих докторскую или в крайнем случае кандидатскую степень. Наконец, и это очень важно, прикрепление аспиранта к тому или иному руководителю (или руководителям) должно происходить обязательно с согласия последнего, причем он, если он сочтет это нужным, может предварительно подвергнуть аспиранта colloquium’у по тому предмету (или предметам), который является специальностью аспиранта*.

II

Успешное выдерживание магистерского экзамена открывало по прежним правилам право для магистранта выступить на соискание

* Pro domo mea (для себя, себе на пользу; в свою защиту (лат. – И.Т.) – лица, специализирующиеся по истории античного мира или по классической филологии, должны обладать хорошим знанием обоих древних языков в такой степени, чтобы они могли беспрепятственно справляться с переводом и разбором текстов, греческих и латинских, средней трудности (примерно “Hellenica” Ксенофонта, XXI книга Ливия)³⁰. Сверх того, аспирантом должен быть в такой же мере усвоен по крайней мере один из новых языков, а равно он должен быть достаточно осведомлен в древней истории и в истории греческой и римской литературы.

ученой степени магистра по той или иной группе наук. По уставу 1884 г. (а также и 1863 г.) эти группы были следующие: 1) философия; 2) греческая словесность; 3) римская словесность*; 4) сравнительное языкознание; 5) русский язык и литература; 6) всеобщая история; 7) русская история; 8) славянская филология; 9) история западноевропейских литератур**; 10) история и теория искусства. Для писания диссертации, как магистерской, так и докторской, никаких сроков поставлено не было. Никто диссертанта не торопил; он сам должен был торопиться из чисто практических соображений, так как по уставу 1863 г. получение магистерской степени не открывало пред магистром дорогу к получению (штатной) доцентуры, тогда как по уставу же 1884 г. получение степени магистра ничего, кроме нравственного удовлетворения, магистру не давало. Получить профессию можно было лишь после защиты докторской диссертации***. Это суровое требование вскоре же стало не соблюдаться, и даже в столичных университетах, не говоря уже о провинциальных, начался “обход закона”, продолжавшийся все время существования устава 1884 г. Магистров стали назначать исполняющими должности экстраординарных профессоров****.

Было бы, конечно, рациональнее лиц, имеющих магистерскую степень, назначать уже экстраординарными профессорами, а не заставлять их пребывать приват-доцентами, несшими, в сущности, профессорские обязанности. Зато переводить из экстраординарных в ординарные лишь после получения докторской степени, тем более, что все различие между экстраординарным и ординарным состояло в разнице получаемого оклада (первые получали 2000 руб., вторые – 3000 руб. в год).

В профессорских кругах нередко дебатировался вопрос: сколько ученых степеней должно быть – одна или две, т.е. магистра и доктора или только доктора. Голоса разделялись: за уничтожение магистерской степени обыкновенно высказывались лица, не имеющие доктор-

* Это дробление на две словесности, тесно между собой соприкасающиеся, одна от другой неотторжимые, едва ли было правильно. Правильнее было бы объединить их в одну, под общим именем “классическая филология”.

** Правильнее было бы и эту группу наук обозначить общим именем “романо-германская филология”.

*** При введении в действие устава 1884 г. двое из доцентов историко-филологического факультета С. Петербургского университета, несмотря на то что они были только магистрами, были утверждены экстраординарными профессорами: Ф.Ф. Соколов и В.К. Эрнштедт³¹.

**** На историко-филологическом факультете первыми такими исполняющими должность были А.И. Незеленов, А.И. Введенский, С.Ф. Платонов. За ними последовали (не в хронологическом порядке): И.Д. Андреев, Ф.А. Браун, И.М. Гревс, А.П. Кадлубовский, Б.М. Мелиоранский, И.А. Шляпки, Н.В. Ястребов. Некоторые из перечисленных довольно скоро стали и исполняющими должность ординарных профессоров. Зато другим, имеющим докторскую степень, пришлось ждать ординатуры довольно долго (например, С.А. Жебелёву около 9 лет)³².

ской степени, а из докторов т.н. либералы, которые в 1905 г. просто-напросто свелись к “кадетам”. Рассуждая беспристрастно, я стоял бы за сохранение двух степеней, т.е. необходимости представления двух диссертаций. И вот по каким соображениям: у нас, при сложившихся порядках, так называемая ученая литература никогда не могла похвастать очень обильной “продукцией”, и сведение ученых степеней к одной понизило бы ее еще более, так что две степени следовало бы сохранить, прежде всего в интересах науки, в особенности если бы магистры не оставались на положении каких-то пасынков, а получали бы право занимать экстраординатуры, что должно было давать им нравственное удовлетворение. А хочешь улучшить и свое материальное положение, пиши докторскую диссертацию.

Такое положение вещей было бы вполне справедливо, тем более, что в сущности различие между магистерской и докторской диссертациями за время примерно с 1890 г. по 1915 г. совершенно утратилось, и от обеих диссертаций требовалась работа, представляющая собой строго научное исследование. И по своим размерам магистерские диссертации перестали совершенно отличаться от докторских. Конечно, в отношении научных достоинств докторские диссертации обыкновенно были выше магистерских, хотя бывало и наоборот*.

Способ прохождения обеих диссертаций был совершенно однороден. Желавший (всякий желавший, даже если он и не имел никакого касательства к университетскому персоналу, а был, что называется, со стороны; при этом выбор университета всецело был предоставлен диссертанту; конечно, защитить диссертацию мог только человек, окончивший университет и сдавший магистерский экзамен) защищать диссертацию представлял при прошении два экземпляра ее, обязательно в печатном виде, в факультет. Факультет назначал для рассмотрения диссертации одного рецензента, если диссертация была магистерская, двух – если она была докторская (позднее вошло в обычай и для магистерской диссертации назначать двух рецензентов). Эти рецензенты, если диссертация была допущена к защите, были обыкновенно и оппонентами на диспуте. Срок для рассмотрения диссертации не должен был превышать полугода**.

* Например, магистерская диссертация Л.П. Карсавина, по общему признанию, была “лучше” докторской. Иногда докторская диссертация представляла собою просто продолжение магистерской и в отношении выбора темы и, разумеется, ее разработки (например, обе диссертации А.А. Васильева, Э.Д. Гримма)³³.

** Для докторской диссертации иногда дело ограничивалось и одним рецензентом, если второй рецензент, не представляя своего отзыва, давал свою подпись под отзывом первого рецензента. Оба рецензента обыкновенно назначались из членов факультета, но бывали случаи, когда одним из рецензентов-оппонентов бывал и приват-доцент. Случалось, что один из рецензентов-оппонентов приглашался из другого факультета, если того требовала тема диссертации. Так, например, я был приглашен восточным факультетом давать отзыв и быть оппонентом на докторском диспуте Н.Г. Адонца. С другой стороны, П.К. Коковцов был рецензентом-оппонентом на докторском диспуте Б.А. Тураева³⁴.

До дня того заседания факультета, на котором должны были складываться отзывы о диссертации, экземпляры последней доставлялись обязательно каждому из членов факультета, а до дня диспута диссертация непременно должна была поступить в продажу*. Если отзывы были благоприятные, диссертация допускалась к защите обыкновенно единогласно; в случаях разногласия среди членов факультета производилось голосование, и дело решалось большинством голосов. В случае неблагоприятного отзыва диссертация, конечно, к защите не допускалась, обыкновенно единогласно**.

После того как диссертация была допущена к защите, факультет назначал день диспута. О дне его заблаговременно печаталось в газетах. Почти всегда днем этим было воскресенье (час дня), которое выбиралось потому, что это был день неприсутственный и, следовательно, все желающие могли прийти на диспут и принять в нем участие, и опять-таки не только лица, причастные так или иначе к университету или принадлежавшие к ученому сословию, а всякий желающий, какого бы сословия, ранга и возраста он ни был (и всякий студент мог выступить на диспуте в роли оппонента – и такие случаи бывали). Короче говоря, защита диссертации, самый диспут был актом в полном смысле слова публичным, общественным. На диспуте обыкновенно присутствовали все члены факультета или их большинство. Сначала секретарь факультета читал *cuticulum vitae* диспутанта и оглашал перечень его ученых работ. Затем диспутант читал вступительную речь, в которой знакомил присутствующих с содержанием своей диссертации, с теми главными выводами, к которым он в ней пришел. Эти выводы излагались в форме “тезисов”, которые обязательно печатались и раздавались на диспуте всем желающим. После вступительной речи выступали сначала официальные оппоненты, которые временем в своих возражениях были не ограничены, не были деканом, председательствующим на диспуте,

* На историко-филологическом факультете диссертант обычно доставлял сто экземпляров своей книги, так что и интересующиеся приват-доценты и профессора других факультетов могли получить экземпляр диссертации.

** Мне, в бытность мою членом факультета, пришлось присутствовать при прохождении в факультете всех без исключения диссертаций, а в некоторых случаях выступать и в роли рецензента-оппонента (на докторском диспуте Г.Ф. Церетели – вместе с Ф.Ф. Зелинским), на магистерских диспутах: Б.Л. Богаевского – вместе с Ф.Ф. Зелинским, М.И. Максимовой – вместе с Б.Ф. Фармаковским, И.И. Толстого – вместе с М.И. Ростовцевым, Д.П. Шестакова – вместе с Б.А. Тураевым; на докторском диспуте Н.Г. Адонца – вместе с Н.Я. Марром). Лишь в одном случае я был виновником недопущения диссертации (магистерской) к защите (Ф.Э. Видемана). Из диссертаций, прошедших очень туго и при очень незначительном большинстве, вспоминаю магистерскую диссертацию акад. Державина. В случае с О.Ф. Вальдгауером, когда, по отзыву Б.В. Фармаковского ясно было видно, что диссертация будет отклонена, по настоянию трех лиц – Ф.Ф. Зелинского, М.И. Ростовцева и меня – голосование не было произведено. Вальдгауеру же частным образом было сообщено, чтобы он взял свою диссертацию обратно, как если бы он ее и не представлял³⁵.

прерываемы, за исключением лишь тех случаев, когда оппоненты уж очень увлекались и когда декан просил их, если можно, сократить свои возражения. После официальных оппонентов декан приглашал "принять участие в диспуте" всех желающих из числа присутствующих на нем. Это не обязательно всегда бывало, но бывало довольно часто. После окончания "прений" декан собирал голоса у всех присутствовавших членов факультета и, если они кивком головы выражали свой положительный голос, декан вставал и объявлял во всеуслышание сакраментальную формулу: факультет, заслушав защиту диссертации такого-то на такую-то тему, признал защиту удовлетворительной и постановил признать такого-то достойным степени магистра (доктора) таких-то дисциплин (см. выше) и представить это постановление Совету университета на утверждение. Так проходил диспут. В ближайшем заседании Совета университета докладывалось, в числе текущих дел, представление факультета о состоявшейся защите, и Совет, не входя в обсуждение вопроса, утверждал получившего ученую степень в его звании. Никаких дальнейших утверждений уже не требовалось.

Власти предрержащие, даже при действии устава в период 1884–1905 гг., когда университет лишен был и тени автономии, не считали себя, очевидно, вправе вмешиваться в дела исключительно ученого характера и, зорко наблюдая за деятельностью университетов в административном и педагогическом отношении, не считали нужным контролировать деятельность, строго говоря, факультетской коллегии в вопросах о присуждении ученых степеней. Это присуждение входило исключительно в компетенцию факультета, и факультет дорожил предоставленным ему правом и свято его оберегал от всяких посягательств. Что они бывали, я впрочем не помню.

Подобно тому, как представляемые диссертации по своим достоинствам были разнохарактерны, так и диспуты, на которых они защищались, проходили различно. Бывали диспуты в полном смысле слова блестящие, бывали и просто хорошие, бывали и скромные. Бывали, но очень редко, и плохие диспуты и даже, в редчайших случаях, позорные, когда защита диссертации висела, в сущности, на волоске. Примером такого позорного диспута на моей памяти был диспут акад. Державина, когда защита им диссертации была признана удовлетворительной лишь ничтожным большинством голосов, когда присуждению степени предшествовало закрытое совещание членов факультета, продолжавшееся чуть ли не полчаса, и в течение этого времени несчастный (по-человечески) диспутант оставаясь в зале, где происходил диспут и где сидела публика, бывшая на диспуте, представлял собою в полном смысле слова подсудимого в окружном суде, сидевшего на скамье подсудимых, в то время как присяжные заседатели готовили свой вердикт. Но такие диспуты, повторяю, представляют собой явление совершенно исключительное. Как пример блестящего диспута вспоминаю докторский диспут

В.К. Ернштедта³⁶, который прошел, в сущности, без возражений и состоял только из похвал по адресу диспутанта со стороны его оппонентов – П.В. Никитина и Ф.Ф. Зелинского.

Как я уже сказал, помимо официальных оппонентов, имели право выступать и оппоненты неофициальные. Некоторые из таких неофициальных оппонентов предьявляли диспутанту очень серьезные возражения. Так было, например, на магистерском диспуте Ф.И. Шмита, где неофициальный оппонент Я.И. Смирнов возражал куда более существенно, чем оппоненты официальные³⁷. Выступали, но крайне редко, и студенты. Об одном таком студенческом выступлении, носившем несколько комический характер, хочется рассказать для оживления излагаемой мною скучной "материи". Покойный академик А.В. Никитский защищал магистерскую диссертацию под заглавием "Дельфийские эпиграфические этюды". Уже тогда (дело было в 1895 г.) Никитский был одним из лучших знатоков всего, касающегося Дельф. Это и отметили его официальные оппоненты Ф.Ф. Соколов и В.К. Ернштедт. После них выступил студент-филолог В.А. Завадский-Краснопольский. Он очень негодовал на Соколова, присудившего ему за сочинение не медаль, а только почетный отзыв. И вот Завадский решил "отомстить" Соколову наскоком на его ученика, Никитского. К диспуту он готовился, очевидно, усиленно, и было известно, что он собирается на нем выступить с целью посрамить Никитского. Последнего я предупредил об этом, но советовал ему не "связываться" с Завадским, так как последний – что и было в действительности – был юношей очень невыдержанным, казавшимся даже иногда не совсем нормальным. Завадский явился на диспут с целым чемоданом книг, брошюр и т.д. Говорил он вздор, но с большой запальчивостью. Никитский молчал. В пылу задора Завадский вынимает из своего арсенала какую-то тоненькую брошюру и, потрясая ею, говорит: "Ваши оппоненты хвалят Вас за то, что Вы прекрасно знаете все источники. А вот этот источник Вы знаете?" Никитинский спрашивает: "Какой?" Завадский называет название брошюры. "Да какой же это источник?" – замечает Никитский. "А, так такие вещи Вы не считаете источником!" – торжествующе заявляет Завадский. Аудитория смеется. О дальнейшем не стоит рассказывать. Но вот результат выступления Завадского. В одной из газет (кажется, в пресловутом "Гражданине") появилась длинная статья, посвященная отчету о диспуте. В ней репортер смел в прах официальных оппонентов, хваливших Никитского, и превозносил студента Завадского, посрамившего его. А кончалась статья примерно такою фразою: "И все же факультетские старцы ничтоже сумняшеся, взяли да и признали диспутанта достойным искомой им степени"³⁸.

Я изложил все эти мелочи для того, чтобы показать, насколько широко представлена была "свобода слова" на диспутах. Было не в обычае "заграждать уста" даже в том случае, когда "возражатели"

несли вздор и были безусыми молокососами. Но наладимся снова на серьезный тон.

Факультет имел право в том случае, если представленная на магистра диссертация отличалась особо выдающимися достоинствами, присуждать за нее прямо степень доктора. Эти случаи были, однако, чрезвычайно редки, всегда ярко обоснованы. По имеющимся у меня материалам я мог бы указать лишь четырех лиц, получивших сразу докторскую степень: это – К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.М. Бубнов, И.И. Лапшин и А.А. Шахматов. Университетский совет по мотивированному предложению факультета пользовался правом присуждать степень доктора *honoris causa* не за диссертации, а за совокупность работ того или иного ученого. И таких случаев мне известно немного. Степень доктора *honoris causa* присудил Московский университет В.Г. Васильевскому (за замечательное ученое исследование в области исторической литературы), А.И. Пападопуло-Керамевсу, Харьковский университет возвел в доктора *honoris causa* С.А. Венгерова, К.И. Коссовича, И.А. Шляпкина, С. Петербургский – Ф.Ф. Сидонского (в 1864 г.) и И.В. Ягича (в 1870 г.), Одесский университет – И.П. Бородина³⁹.

Все вышеизложенное имело целью показать, хотя бы и на примере практики одного факультета, насколько строго обставлено было дело получения ученой степени, достававшейся ищущим ее нелегко. От диссертаций требовалось прежде и главное всего выявления со стороны их авторов и научных знаний, и трезвости научной мысли, и критического отношения как к источникам, так и к существующей по теме диссертации научной литературе. Можно безошибочно утверждать, что ни одна диссертация не представляла собою т.н. компиляции; все они носили характер самостоятельных научных исследований. И каждая диссертация, может быть лишь за незначительными исключениями, внесла собой, хотя бы и скромный, вклад в историю научного знания. Присуждение ученой степени являлось для лица, ищущего его, наградой за понесенные им труды. Самый диспут был, в полном смысле слова, ученым праздником, в котором помимо диссертанта принимал участие и факультет и наша общественность. Университеты же наши могли гордиться тем, что только им одним было предоставлено право присуждения ученых степеней. Ни Академия наук, ни специальные высшие учебные заведения и учреждения этим правом не пользовались*.

* Исключение составляла Медицинская академия, имевшая право присуждать степень доктора медицины. Но и характер диссертаций, и самые диспуты носили там совершенно иной характер по сравнению с университетскими диссертациями и диспутами. И те, и другие скорее приближались к тому, что практиковалось в германских университетах.

III

Ученые степени доктора и магистра были отменены в первые годы революции. Значит ли это, что лица, имевшие эти степени, лишились их? По-видимому, нет. Судя по тому, что в таком официальном издании, как в изданном Академией наук справочнике "Наука и научные работники СССР"⁴⁰ при фамилиях некоторых ученых эти степени нашли себе упоминание (ср., например, по Москве: Дератани, Соболевский С.И., Петрушевский)⁴¹. Да и странно было бы, если бы человек, получивший ученую степень, в отношении ее подвергся *carpitis deminutio*⁴², ведь никакого проступка он не совершил в своей ученой деятельности. За что же его развенчивать?

К целесообразности существования ученых степеней пришла очевидно и власть, так как они были восстановлены в 1934 г., когда состоялось постановление об их возрождении в виде ученых степеней кандидата и доктора соответствующих наук. Раз были восстановлены ученые степени, то тем самым должны были возродиться и диссертации, и диспуты*.

С осени 1934 г. стали действовать и т.н. квалификационные комиссии. В двух из них я принимал участие в качестве их члена – в Академии наук и в ГАИМК. О заседаниях этих комиссий я и поделюсь впечатлениями, насколько они уложились в памяти.

Начну с квалификационной комиссии в Академии наук, имевшей с декабря 1934 г. по июнь 1935 г. четыре заседания (я имею в виду, конечно, комиссии при Отделении общественных наук). Председателем ее был неперменный секретарь В.П. Волгин. Состав комиссии был довольно пестрый: членами ее состояли некоторые академики и лица, служащие в тех или иных академических учреждениях. Из академиков участвовали: А.М. Деборин (по отделу философии), С.А. Жебелёв (археология), С.И. Солнцев (социально-экономические науки), Мещанинов (языкознание), Самойлович (востоковед-

* В 20-х годах спорадически появлялись сведения о состоявшихся диспутах, но не для получения ученой степени, а для получения "квалификации". Так, по имеющимся у меня сведениям, акад. Струве представил и защитил такую диссертацию, то же я знаю и о М.С. Альтмане. На их диспутах я не присутствовал, так как нигде о них [не слышал] и никаких объявлений, по-видимому, не было. Но на диспуте О.М. Фрейденберг не только присутствовал, но и принимал в нем участие в качестве одного из официальных оппонентов. Диспут происходил в бывшем зале Совета университета под председательством Н.Я. Марра. Он проходил в том же порядке, что и дореволюционные диспуты, с той лишь разницей, что на них официальных оппонентов было обыкновенно двое, на диспуте же Фрейденберг – четверо (кроме меня, А.И. Маленин, И.И. Соколов, И.И. Толстой). Кем и как организовывались эти диспуты для повышения квалификации, мне неизвестно. Не думаю, чтобы они происходили контрабандным путем, но носили они несколько, что называется, домашний характер. Диссертации представлялись не в напечатанном виде, а несколько экземпляров их отстукивалось на машинке и один из них выставлялся для обозрения и использования в университетской библиотеке. Сомнительно, чтобы кто-нибудь их читал, кроме самого диспутанта и его оппонентов⁴³.

ние), А.С. Орлов (литературоведение). Из не академиков (не ручаюсь за полноту): Б.Д. Греков (история), Е.Г. Кагаров (история), Б.Л. Богаевский (история), В.В. Струве*, Н.К. Пиксанов (литературоведение), В.Ф. Шишмарев (литературоведение), П.П. Ефименко (археология), Томсинский (история; потом выбыл). В некоторых заседаниях комиссии участвовали и другие лица, например академики Крачковский и Щербатской и др. – были ли они приглашены, или пришли потому, что все заседания публичны, мне неизвестно⁴⁴.

В первом же заседании комиссии выяснилось, что какого-либо регламента или инструкции, касающейся действия комиссии, не имеется. Председателям указано было лишь на то, что: 1) соисканию степени доктора должно предшествовать получение степени кандидата; 2) комиссия имеет право присуждать степень доктора, независимо от представления диссертации, тем лицам, совокупность трудов которых дает им право получить докторскую степень (впоследствии это право распространено было и в отношении кандидатской степени); 3) комиссия только намечает тех лиц, которым может быть присуждена степень доктора без представления и защиты ими диссертации. Утверждение же этого присуждения восходит к Президиуму Академии наук и никаких дальнейших санкций не требует; 4) это право предоставлено только Академии наук, во всех же остальных случаях окончательное утверждение полученной степени (и доктора, и кандидата) принадлежит Наркомпросу; 5) лица, имеющие звание академика – *eo ipso*⁴⁵ доктора, хотя бы они не защищали никакой диссертации**.

Председатель предложил комиссии начать свою работу с того, чтобы просмотреть все списки членов-корреспондентов Академии и решить, кто из них достоин присужденной ему степени доктора по соответствующей специальности. Специальности эти были установлены следующие: 1) история; 2) философия; 3) политическая экономия; 4) этнология; 5) литературоведение; 6) языковедение; 7) востоковедение. В последующих заседаниях комиссии ставился вопрос, не должны ли быть также степени доктора (и кандидата) библиографии, библиотековедения, но этот вопрос решен был отрицательно. Также в одном из последующих заседаний был решен вопрос и о том, в каком порядке должно проходить дело, если комиссия сочтет нужным присуждать степень лишь после представления и защиты диссертации. И порядок был установлен такой: ищущий степени представляет в комиссию диссертацию (последняя может быть представлена и в рукописи, переписанной на машинке – не менее чем в двух экземплярах); для рассмотрения диссертации образуется “трой-

* В отношении Шишмарева, Грекова, Кагарова, Богаевского это было вполне рационально, так как они уже имели ученую степень магистра или доктора, а в отношении остальных?

** В Отделении общественных наук теперь 29 академиков; из них 9 защищали в свое время докторские диссертации, 7 – магистерские.

ка”, в состав которой входит в качестве председателя ее председатель комиссии, один из членов комиссии, к специальности которого диссертация относится, и рецензент или из состава комиссии, или, если подходящего специалиста не имеется, лицо, приглашенное со стороны. После установления такого “провизорного” регламента приступили к просмотру списка членов-корреспондентов. Тут я, разумеется, не имею возможности говорить по поводу того, как проходило дело в каждом отдельном случае. Отмечу только некоторые частности, в качестве же общего замечания укажу, что все члены-корреспонденты были утверждены в степени доктора соответствующих наук, за исключением тех членов-корреспондентов, которые подверглись административной каре, хотя бы даже они и отбыли ее и были “реабилитированы”. Об этих лицах председатель и не докладывал.

Первым, стоявшим в списке членов-корреспондентов, был И.А. Бычков⁴⁶. Председатель предложил желающим высказаться о его кандидатуре. Акад. Орлов, и ему отчасти вторили другие, указал, что ученые заслуги Бычкова бесспорны, но что, с другой стороны, у него нет работы диссертационного типа и т.п. Я спросил председателя: верно ли, что с докторской степенью связаны некоторые преимущества практического характера, например то, что неимеющий докторской степени не может быть профессором? Получив утвердительный ответ, я указал на то, что Бычков по своему возрасту (он родился в 1858 г.) вряд ли метит в профессора, да и вряд ли кто его возьмет в профессора – по его возрасту. Стоит ли в таком случае вести “дискуссию” в отношении таких лиц, как Бычков и ему подобные, которые не могут извлечь для себя никакой выгоды из докторского звания и ученые заслуги которых являются общепризнанными? Не проще ли присуждать им степень доктора без всяких дискуссий или ничего не присуждать, если только они сами не заявят претензии на присуждение им докторской степени? Собрание согласилось с моим предложением и руководствовалось им в дальнейшем. Когда дошла очередь до Айналова, я снова спросил слова и сказал: Айналов получил докторскую степень более 30 лет тому назад; в своей области он – мировой ученый, и труды его широко использованы европейской наукой. То же я повторил при упоминании имени А.А. Васильева. А когда дошла очередь до членов-корреспондентов по классической филологии (А.И. Маленин, С.П. Шестаков, Н.И. Новосадском, Г.Ф. Церетели), я заметил: все они давным-давно доктора и вряд ли они нуждаются в двойном докторстве. Но я ошибся. Акад. Орлов сказал, что А.И. Маленин желает получить степень советского доктора, и это звание ему было присуждено без прений. О таком же желании позднее заявил Н.И. Новосадский, и его желание было удовлетворено. Питомцы Историко-филологического института остались верны себе! Сложнее было дело с И.А. Орбели, который, будучи

членом-корреспондентом, не имел никакой ученой степени. Мне поручено было представить к следующему заседанию комиссии отзыв о его трудах. В результате и он был признан достойным степени доктора (тогда он не был еще академиком), равно как и все остальные члены-корреспонденты, не имеющие ученых степеней⁴⁷.

После того, как с членами-корреспондентами было покончено, обратились к тем лицам, которые были представляемы для получения степени доктора или кандидата академическими учреждениями (в одном из последующих заседаний комиссии председатель провел вообще тот *modus agendi*, что будут рассматриваться представления, исходящие только от учреждений, но не отдельных членов комиссии). Тут по очереди выступали Институт языка и мышления (докладчик Мещанинов), Институт антропологии и этнографии (докладчики А.А. Бусыгин, Ефименко, Мещанинов), Историко-археографический институт (докладчики Томсинский, Греков, Волгин), Институт книги, документа и письма (докладчик Орлов), Институт истории науки и техники (докладчики Деборин и М.А. Гуковский), Институт русской литературы (докладчики Орлов, Пиксанов), Институт востоковедения (докладчики Самойлович, Воробьев)⁴⁸. Я забыл еще упомянуть, что члены комиссии из числа неакадемиков все признаны были, и без обсуждения, достойными степени доктора; я имею в виду Грекова, Струве (тогда оба они не были еще академиками), Богаевского, Кагарова, Томсинского, Ефименко. Я указал при этом на то, что самый факт привлечения к работам комиссии этих лиц достаточно свидетельствует о том, что они достойны степени доктора, ибо иначе как бы они могли присуждать эту степень другим. Было бы долго перечислять имена лиц, удостоенных степени доктора — так их много. Такою щедрою рукою сыпались представления от учреждений, в особенности от институтов востоковедения, антропологии и этнографии, русской литературы.

При таком массовом производстве, естественно, обсуждение вопросов велось слишком поспешно и казалось, что больше заботились о количестве “продукции”, а не о ее качестве. Характерно было и то, что институты, представлявшие будущих докторов, постоянно настаивали на том, чтобы степень доктора присуждалась без диспута, т.е. без защиты диссертации. И председатель, сначала стоявший на той точке зрения, что это должно иметь место лишь в исключительных случаях, потом сошел со своей совершенно правильной позиции. Так было, например, в случаях, касавшихся Быковского, Равдоникаса, Якубовского, для которых в одном заседании постановлено было требовать от них защиты, а в следующем признано было возможным признать их докторами без защиты. В результате получались и такие “сюрпризы”, что комиссия признала достойным степени доктора востоковедения лицо (Вострикова), не имеющее ни одной печатной работы (докладывал о нем акад. Щербатской), что конечно потом вызвало большие нарекания⁴⁹.

В общем же получалось такое впечатление, что институты, представившие кандидатов, как бы соревновались между собою, у какого института докторов окажется больше, и поэтому отстаивали всякого представленного кандидата с большой ретивостью, пока не добивались цели, к которой стремились. Создалась своего рода “обезличка” и “уравниловка”, на деле же среди удостоенных степени доктора без защиты диссертации были лица вполне того достойные, но были и лица, всякая мысль о присуждении им докторской степени должна была быть оставлена, или же, во всяком случае, они должны были бы представить один из своих трудов в качестве диссертации и защитить его. В одном из заседаний я не вытерпел и произнес речь в защиту диспутов, сказав примерно следующее: в былое время диспут считали научным праздником, торжественным моментом в жизни ученого. Теперь на диспут смотрят как на своего рода пригвождение к позорному столбу и всячески стараются от него уклониться, что для меня является совершенно непонятным. Конечно, “речь” моя не имела никакого успеха*.

Настроение комиссии было вообще милостивое, и, пожалуй, самые длинные прения вызвало представление института ИКДП⁵¹ о присуждении степени доктора без защиты А.Г. Фомину, правда, только специалисту-библиографу, но зато настоящему специалисту⁵². Против Фомина с особенной горячностью выступал Пиксанов. Мне и тут пришлось вмешаться в защиту Фомина и указать на то, что, поскольку научная библиография составляет все же необходимое подспорье при занятиях каждой дисциплиной, труды, ей посвященные, должны заслуживать признания, коль скоро они считаются специалистами выполненными образцово, и что поэтому Фомин подходит под категорию тех лиц, которым в прежнее время могла бы быть присуждена степень доктора литературоведения *honoris causa*. Фомин в конце концов был удостоен степени, а директор ИКДП акад. Орлов даже благодарил меня от имени института за добродетельное вмешательство.

Из лиц, предложенных в доктора по моей специальности, был всего один, С.Я. Лурье⁵³, которого я охарактеризовал как ученого очень кратко, но внушительно и которому степень доктора, конечно, вполне им заслуженная, была присуждена *sine mora*⁵⁴. В результате все представленные кандидаты в доктора получили степень доктора без защиты диссертации.

* На деле же, по-видимому, стремление “пройти” в доктора без диспута объясняется одним из двух: или в списке трудов кандидата не имеется ни одного, который мог бы быть представлен в качестве диссертации, или же, хотя такой труд и имеется, но кандидат не рискует его представить из боязни, как бы ему на диспуте его “приятели” не “вспыпали”. В самом деле: какую диссертацию на степень доктора мог бы представить, например, Богораз-Тан? С другой стороны, защита одного из трудов, хотя бы Богаевского или Равдоникаса, или Оксмана вряд ли бы прошла гладко⁵⁰.

Не буду говорить о присуждениях степени кандидата. Здесь дело шло еще быстрее, чем при присуждении докторской степени, и все кандидаты на степень кандидата ее получили, и тоже без защиты диссертации, что, по моему взгляду на дело, было совершенно правильно*. Тут я вмешался всего один раз, а именно, когда выяснилось, что Институт востоковедения не представил к утверждению в степени даже кандидата такого ученого, заслуживающего бесспорно докторской степени, каким является П.В. Ернштедт⁵⁶. Я постарался исправить эту “забывчивость” Института востоковедения и просил комиссию присудить Ернштедту хотя бы степень кандидата, что и было исполнено немедленно. Так прошла работа квалификационной комиссии в Академии наук, оставившая меня, скажу откровенно, далеко неудовлетворенным. Дело велось слишком спешно, без надлежащей подготовки к нему в каждом отдельном случае, господствовал формальный подход к нему и слишком много места уделялось всяким “веяниям”, “влияниям”, “авторитетным отзывам” и, *sit venia verbo*⁵⁷, кумовству. А наука *пéлоσθεv*⁵⁸.

Перехожу к работе квалификационной комиссии в ГАИМК. Председатель ее, Ф.В. Кипарисов, назначил ее членами всех лиц из числа работников Академии, имеющих уже степень доктора, а также директоров институтов ГАИМК⁵⁹: доклассового (Равдоникас), рабовладельческого (Ковалев), феодального (Дубровский) и исторической технологии (Кауль)⁶⁰. Заседания происходили в начале июня; их было два. В первом из них установлены были некоторые общие положения, как-то: 1) степени без защиты диссертации будут присуждаться лишь в исключительных случаях (*sic!*) и 2) устанавливается одна квалификация степени кандидата или доктора исторических наук, причем, так сказать, в скобках указывается “уклон” (например, история античного мира, история доклассового общества, археология, историческая технология и т.п.). Затем в первом заседании рассматривались представления институтов доклассового и исторической технологии. Последний не “выдвинул” никого в доктора, а всех лишь в кандидаты без защиты диссертации. Все это были бесспорные кандидаты в кандидаты. То же нужно сказать и о кандидатах, выдвинутых институтом доклассовым (докладчик Равдоникас).

Но тут появился и один претендент на степень доктора, и тоже без защиты диссертации, и это был М.Г. Худяков. Рассмотрение его

* В одном случае, а именно с Б.Н. Граковым, обнаружилось, что всегда нужно помнить: *festina lente* [“Спешу медленно”, все делай не спеша (лат.)]. Ср. рус. “Тыше едешь, дальше будешь”. — *И.Т.*] Граков написал и напечатал хорошую, хотя и очень специальную книгу об амфорных штемпелях с именами астиномов. Ее он уже защищал в РАНИОН’е для получения “квалификации”. Это лишило меня возможности поставить вопрос о присуждении Гракову степени доктора, но, конечно, с защитой диссертации. Коль скоро последняя уже фигурировала на диспуте для получения квалификации, неудобно было ту же диссертацию защищать на степень доктора⁵⁵.

кандидатуры прошло далеко не гладко. Равдоникас, докладывавший дело Худякова, ограничился, в сущности, перечислением его работ, которых очень много и они очень разнообразного характера (есть и работы, посвященные такому сюжету, как археология на службе у классового врага), но надлежащей научной оценки этих работ не было представлено вовсе, а из обмена мнений выяснилось, например, что работы Худякова, посвященные поволжским восточным народам, написаны им без привлечения материалов на соответствующих языках (которых, кстати сказать, Худяков и не знает)⁶¹. Некоторые стали говорить, что хорошо было бы выслушать отзыв. Председатель поставил на голосование вопрос: решать ли о присуждении степени Худякову теперь же, или ждать отзыва. Хотя пять членов комиссии высказались в пользу решения теперь же (Равдоникас, Ефименко, Тюменев, Струве и Сальдау)⁶², а четыре остальные члена (Якубовский, Богаевский, Кагаров и я) воздержались от голосования, председатель заявил, что при сложившемся положении вещей он не находит возможным решать дело в настоящем заседании. Поручено было к следующему заседанию заслушать отзывы Равдоникаса и Быковского. Это и было сделано в следующем заседании, и Худякову, разумеется, присуждена была степень доктора исторических наук без защиты диссертации. Перед голосованием я счел нужным заявить, что, не признавая себя вправе отказаться от работы в комиссии, я и в голосовании по делу Худякова, и во всех дальнейших голосованиях, касающихся присуждения докторских степеней без защиты диссертации, принимать участие в голосовании не буду, так как стою на той принципиальной точке зрения, которая была указана и председателем, а именно: присуждение степени доктора без защиты диссертации может иметь место лишь в исключительных случаях. И.А. Орбели указывал мне на то, что в дальнейшем нужно требовать защиты, но что теперь от этого можно пока и отказаться, так как, если не будет достаточного количества докторов, то некому будет и присуждать докторские степени в дальнейшем. С такою постановкою вопроса я, конечно, согласиться не мог, но понимал, что отстаивать свою точку зрения бесполезно, что дело и в ГАИМК пойдет по тому же направлению, по какому оно шло и в Академии наук. Это и подтвердилось при обсуждении кандидатур в доктора по рабовладельческому институту.

Тут в первую очередь была выставлена, конечно, кандидатура в доктора О.О. Крюгера, ни одна из немногочисленных работ которого не могла бы фигурировать в качестве диссертации⁶³. Отзыв о Крюгере делал В.В. Струве. Разумеется, Крюгер был признан достойным степени доктора без защиты диссертации. Возник вопрос: по какой специальности лучше сказать, какой “уклон” присоединить к доктору исторических наук. Я указывал на то, что естественнее всего было бы поставить в скобках “папирология”. Но Струве с этим не соглашался и предлагал поставить в скобках “история элли-

низма". Я указывал на несообразность этого, так как в таком случае, чего доброго, пришлось бы ставить в скобках "история пелопоннесской войны" и т.п. и сказал, что уж если Крюгер признан доктором исторических наук, то пусть поставят в скобках "история античного мира". Согласились*.

Каково было мое не удивление, а возмущение, когда после того как была присуждена степень доктора О.О. Крюгеру, Т.Н. Книпович, лучшему, а пожалуй и единственному знатоку у нас греческой керамики, автору хоть и немногих, но безупречных работ, докладчик (С.И. Ковалев) предложил дать степень кандидата без защиты диссертации. Снова я был вынужден просить слова и заявить: после того, как комиссия только что присудила степень доктора Крюгеру, справедливость требует присудить ту же степень и также без защиты диссертации Т.Н. Книпович. Ковалев немедленно заявил, что он не настаивает на сделанном им предложении, и Книпович единогласно была признана достойной степени доктора исторических наук (с прибавкой археология) без защиты диссертации⁶⁴.

А затем встал вопрос о Ковалеве, авторе одной только, да и то незаконченной статьи исследовательского характера, но составителя учебника по древней истории, и вообще, это должно признать, прекрасного организатора научной работы в вузах. Ковалев хотел было удалиться на то время, пока о нем будет идти речь, но опять пришлось встать мне, просить Ковалева не уходить и выслушать то немногое, что я имею сказать. Сказал же я следующее: и прежде университеты присуждали иногда степень доктора *honoris causa* лицам не за ученые заслуги их, а за их полезную административную работу на благо науки. В этом отношении и ему, Ковалеву, смело может быть присуждена степень доктора *honoris causa*. По-видимому, мое выступление понравилось, потому что оно вывело комиссию, действительно из затруднительного положения**.

* Небольшая деталь *pro domo mea* (В свою защиту; для себя; о себе (лат.). – И.Т.). В своей характеристике ученых работ Крюгера Струве угодно было сослаться и на меня в том смысле, что я в своих последних работах отношусь не то с сочувствием, не то с одобрением к эпиграфическим работам Крюгера. Не имея под руками своих последних работ и не помня их наизусть, я был застигнут врасплох и ничего Струве сказать не мог. Придя же домой и посмотрев мои последние работы, я нашел в них единственное такое упоминание об эпиграфических работах Крюгера. В своей статье о скифском восстании на Боспоре (Известия ГАИМК, вып. 70, стр. 18, прим. 1), где я, между прочим, разбираю надпись Диофанта, я напечатал, между прочим, следующие слова: "к которой (т.е. литературе, посвященной надписи Диофанта) нужно добавить заметку О.О. Крюгера. Известия ГАИМК IV, 91". Вот и все. *Sapientia sat!* (Для мудрого достаточно (сказанного) (лат.). – И.Т.).

** Тут опять отличился В.В. Струве. Он заявил, что ему, конечно, неудобно говорить о Ковалеве, так как он, Струве, находится в подчиненном отношении по отношению к Ковалеву и в ГАИМК, и на Истфаке, и в ЛИФЛИ и пр. Мой сосед Орбели, недолюбливающий Струве, громко спросил меня: "А Вы тоже находитесь в подчиненном положении к Ковалеву". Я сказал: "Да, но никакого начальнического гнета Ковалева над собою не ощущаю".

Присуждение степени кандидата с защитой и без защиты диссертации работникам рабовладельческого института прошло гладко и правильно. То же и по институту феодальному, где степень доктора была присуждена одному Э.Д. Гримму, конечно, тоже без защиты диссертации. Не помню, степень доктора ли, или кандидата была присуждена и Валку⁶⁵. Но помню, когда кто-то сказал: да ведь Валк работает и в Академии наук, почему же он там не проходит? В.В. Струве заметил: Ах, знаете ли, ведь Валк состоит в Академии наук на половинном окладе!

* * *

Подведу некоторые итоги, вытекающие из моих впечатлений о работе по присуждению ученых степеней в Академии наук и ГАИМК. Они для меня не утешительны. Все дело и тут и там велось в темпе быстром и недостаточно серьезном. Не чувствовалось ни у председателя, ни у членов комиссии надлежащей подготовленности к решению дела ответственного, особенно что касается присуждения степени доктора. Мы шли на заседание, не зная, что нам предстоит рассмотреть, какие кандидаты будут перед нашими глазами проходить. Относительно большинства из них приходилось решать вопрос "по доверию" к тем лицам, которые тех или других кандидатов предлагали, и с жаром и упорством своих кандидатов отстаивали.

С принципиальной точки зрения возрождение ученых степеней должно, разумеется, всячески приветствоваться. Но опыт истекшего учебного года показал, что применение этого принципа на практике, с моей точки зрения, поставлено не совсем правильно, и его нужно ввести в определенные рамки и урегулировать. Без этого возникает опасность, как бы возрождение ученых степеней не повлекло за собою их вырождения в нечто такое, что несовместимо с понятием науки, для поднятия и усовершенствования которой ведь степени собственно и существуют и должны существовать. Теперь на присуждение ученых степеней смотрят как на своего рода награду тем, кто их получил. На самом же деле тут речь должна идти не о награде, а о стимуле, который побуждал бы ученых к дальнейшему усовершенствованию. Это в особенности относится к присуждению степени доктора, высшего учебного звания, которое у нас и раньше существовало и теперь существует. А это ученое звание носителя его ко многому обязывает, и у нас должны быть настоящие "доктора" своей специальности, а не quasi-доктора⁶⁶, не исправляющие обязанности докторов, а тем паче *doctores indocti*⁶⁷.

В заключение несколько практических замечаний, как, по моему суждению, должны были бы урегулировать дело, касающееся присуждения ученых степеней. Выскажу свои мысли в виде основных тезисов, не претендующих, конечно, на полноту, тем менее на непогрешимость. Такие важные вопросы подобало бы обсуждать и решать не келейно, а коллегиально в кругу лиц, достаточно компетентных в тех вопросах, которые они обсуждают и решают.

1) Прежде всего следовало бы окончательно ликвидировать остатки прошлого, т.е. установить, сохраняют ли бывшие магистры и доктора полученные ими ученые степени, или же они обращаются из ученых в простых смертных и должны, если желают снова стать учеными, позаботиться о том, чтобы приобрести себе новые ученые степени кандидата, а затем доктора, представив и защитив соответствующие диссертации. Может быть, конечно, и трезвое решение вопроса, на мой взгляд, самое простое и рациональное: признать всех имеющих степени магистра и доктора докторами по установившейся (?) теперь классификации общественных наук.

2) Но для этого необходимо окончательно и прочно установить эту классификацию, так как на практике Академии наук и ГАИМК здесь наблюдается разноречивость и неувязка, что в дальнейшем, на практике, может повести ко всякого рода недоразумениям (например, Ефименко и Книпович оба теперь доктора, но первый – доктор археологии, второй – доктор исторических наук [археология]).

3) Нужно определить, что же такое в конце концов должна представлять собою кандидатская диссертация и что – докторская? Слышанные мною разграничения их звучат по-обывательски и ничего, в сущности, не говорят (на мой вопрос отвечали: кандидатская диссертация выше прежней кандидатской, но ниже магистерской; докторская – ниже прежней докторской, но выше магистерской).

4) Нужно упорядочить самую практику приобретения ученых степеней и состав и функции квалификационных комиссий, которые будут рассматривать представляемые диссертации и присуждать степени.

5) Нужно точно наметить, в каких случаях ищущий степени освобождается от представления диссертации и получает ее непосредственно.

6) Нужно определить, имеет ли право квалификационная комиссия присуждать за представленную кандидатскую диссертацию, ввиду ее выдающихся достоинств, прямо степень доктора, или не имеет.

7) Следует постановить, что в квалификационную комиссию могут представлять свои диссертации на рассмотрение, со всеми вытекающими отсюда последствиями, не только прошедшие аспирантуру или состоящие на службе в тех или иных ученых учреждениях, но вообще все желающие, раз они окончили курс в вузах на соответствующем факультете.

Можно было продолжить и далее подобного рода наброски, но так как всего не наметить, то позволю себе в заключение изложить, в каком виде представляется мне работа квалификационных комиссий. Они должны быть при общественных отделениях всех академий СССР и при всех историко-филологических факультетах университетов. В специальных институтах (например, Востоковедения, ЛИФЛИ и т.п.) квалификационных комиссий нет, и аспиранты, прошедшие в них аспирантуру, представляют свои кандидатские диссертации либо в Академию наук, либо в университеты, либо в ГАИМК,

если за нею будет признано узурпированное ею право быть не Академией материальной культуры, а Отделением общественных наук СССР. Докторские диссертации также представляются либо в Академию наук, либо в университетские факультеты.

Состав квалификационной комиссии определяется в Академии наук Отделением общественных наук в ее заседании, либо факультетом в его собрании. Этот состав должен состоять из представителей (одного, двух, трех, четырех – для востоковедения) тех дисциплин, по которым могут быть представлены диссертации*. Члены комиссии избирают из своего состава председателя, заместителя и секретаря, ведающего делопроизводством комиссии. Заседания комиссии созываются председателем по мере надобности. Программа заседания заранее намечается и о ней ставятся в известность члены комиссии.

Порядок представления диссертаций следующий: диссертации представляются обязательно в напечатанном виде и в двух экземплярах. При представлении кандидатской диссертации комиссия определяет, должен ли предварительно подвергнуться представляющей кандидатскую диссертацию коллоквиуму по предмету своей специальности, или он от этого коллоквиума освобождается. Для рассмотрения диссертации намечается комиссия в составе трех лиц из ее состава или двух лиц из ее состава и третьего, привлекаемого со стороны (последнее в том случае, когда по сюжету представленной диссертации в составе комиссии нет соответствующего специалиста). Означенные трое лиц намечают из своей среды одно лицо для рассмотрения кандидатской диссертации, двух лиц – для рассмотрения докторской диссертации. В следующем заседании комиссии читается составленный в письменном виде и подписанный рассматривавшими диссертацию лицами отзыв, после прочтения которого происходит обмен мнений и ставится на голосование (поименное) вопрос: может ли быть допущена представленная диссертация к публичной ее защите. В случае удовлетворительного исхода голосования избираются официальные оппоненты в количестве для докторской диссертации не менее двух, для кандидатской – один или два. О дне диспута, о его месте, об оппонентах публикуется в газетах. Диспут происходит в присутствии членов квалификационной комиссии;

* Например, по литературоведению должны быть специалисты по древней и по новой русской литературе и по западноевропейской литературе, или по русской литературе, по античной литературе, по западноевропейской литературе. По истории – специалист по русской истории, специалист по всеобщей истории (по старой терминологии, средней или новой), специалист по древней истории, по лингвистике – специалист по общему языкознанию, специалист по славянскому языкознанию (включая русский язык). По востоковедению: специалисты по арабистике, по синологии, по тюркологии, по иранистике. По этнологии и антропологии – один представитель. По философии и социально-экономическим наукам по одному представителю. По археологии и истории искусства – один специалист по доисторической археологии, один специалист по исторической археологии и истории искусства.

по окончании его она устраивает краткое заседание и путем голосования решает вопрос о присуждении или неприсуждении искомой степени, что объявляется публично и о чем печатается в газетах.

Решение комиссии восходит на утверждение Отделения общественных наук Академии наук или факультета, смотря по тому, куда была представлена диссертация. Ни в каких дальнейших утверждениях присуждение ученой степени не нуждается, и защитивший диссертацию признается утвержденным в степени кандидата или доктора по соответствующей дисциплине. Самые дисциплины эти суть следующие: философия, лингвистика, история, классическая филология, русская филология, романо-германская филология, филология китайская, арабская и пр. (надлежит выработать специалистам-востоковедам), археология и история искусства.

24 августа 1935 г.

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 27. Автограф.

Примечания И.В. Тункиной

¹ Примерно из 40 оставшихся неопубликованных работ Жебелёва, большая часть которых относится к советскому времени, пока изданы лишь шесть. Серию публикаций его историографических работ и мемуаров см.: *Тункина И.В., Фролов Э.Д.* Историографические этюды С.А. Жебелёва: Из неизданного научного наследия // ВДИ. 1993. № 1. С. 182–185; *Жебелёв С.А.* Столетие рождения Ф.Ф. Соколова / Подготовка текста, публ. и коммент. И.В. Тункиной, Э.Д. Фролова // Там же. С. 185–194; *Тункина И.В., Фролов Э.Д.* Историографические этюды С.А. Жебелёва: Из неизданного научного наследия // Там же. № 2. С. 172–173; *Жебелёв С.А.* Автонекролог / Подготовка текста, публ. и коммент. И.В. Тункиной, Э.Д. Фролова // Там же. С. 173–201; *Тункина И.В., Фролов Э.Д.* Историографические этюды С.А. Жебелёва: Три неизданных мемуара С.А. Жебелёва // Там же. № 3. С. 180–182; *Жебелёв С.А.* Из воспоминаний о Я.И. Смирнове: Из воспоминаний о старом товарище; С.Ф. Ольденбург / Подготовка текста, публ. и коммент. И.В. Тункиной, Э.Д. Фролова // Там же. С. 182–202; *Тункина И.В., Фролов Э.Д.* Историографические этюды С.А. Жебелёва: Из неизданного научного наследия // Там же. № 4. С. 187; *Жебелёв С.А.* О новой книге Hasebroek'a / Подготовка текста, публ. и коммент. И.В. Тункиной, Э.Д. Фролова // Там же. С. 187–209.

² *Тункина И.В.* "Дело" академика С.А. Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2000. Вып. 2. С. 116–161.

³ *Тункина И.В.* О проекте многотомного издания по истории русской науки (1916–1930 гг.) // Петербургская Академия наук в истории Академий мира: К 275-летию Академии наук. Материалы Международной конференции. СПб., 1999. Т. 1. С. 182–194.

⁴ *Кричевский Г.Г.* Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С. 141–153.

⁵ *Медведев И.П.* Предисловие // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Отв. ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 5.

⁶ *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 402.

⁷ Там же. С. 404.

⁸ Там же. С. 405.

⁹ Присуждение ученых степеней по западноевропейскому образцу спонтанно сложилось в России после открытия в 1725 г. Императорской АН и академического университета в Петербурге, а в 1755 г. – Московского университета. Первое в России законоположение об ученой степени – указ Екатерины II "О предоставлении Московскому университету права давать докторскую степень обучающимся в оном врачебном наукам" (1791). Ученые степени доктора, магистра и кандидата были учреждены "высочайшим указом" об устройстве училищ от 24 января 1803 г., который, однако, не регламентировал порядка их приобретения, ограничиваясь общим замечанием о строгом испытании при экзаменах. Подробные предписания о порядке экзаменов и процедуре публичной защиты диссертаций содержатся в уставах Дерптского, Московского, Казанского и Харьковского университетов 1803–1804 гг. Согласно "Положению 1819 г. о производстве в ученые степени" их соискатели должны были пройти устные и письменные испытания (экзамены) и публично защитить диссертацию. Первоначально магистерская диссертация представлялась на латинском, русском или на одном из европейских языков, докторская – исключительно на латинском языке, причем к ней требовались так называемые тезы (прообраз авторефератов). Подробнее см.: *Кричевский Г.Г.* Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С. 141–153; *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи, XVIII–1917 г. М., 1994.

¹⁰ В дореволюционной России существовала отличная от западноевропейской терминология и номенклатура ученых званий и ученых степеней.

В XIX в. подготовка к профессорскому званию осуществлялась сначала в зарубежных университетах, затем в Дерптском профессорском институте (1828–1840) и Главном педагогическом институте в Петербурге (1816–1819, 1828–1858), а после принятия университетского устава 1863 г. (см. коммент. 13) – на кафедрах самих университетов при помощи института профессорских стипендиатов ("оставленных при университете для приготовления к профессорскому званию"), являвшегося прообразом современной аспирантуры. "Оставленные при университете" сдавали специальные магистерские экзамены (лица, их сдавшие, но не защитившие диссертации, именовались *магистрантами*).

Ученая степень *магистра* присуждалась всеми факультетами университетов (кроме медицинского) лицам, окончившим университет, выдержавшим устные экзамены и защитившим диссертацию на публичном диспуте, которая должна была быть одобрена факультетом. Степени магистра фармации и магистра ветеринарии были высшими в этих отраслях науки. В порядке исключения к испытаниям на степень магистра допускались лица, имеющие докторский диплом зарубежного университета. Ученые, получившие степень магистра, имели право заведовать кафедрой. За выдающиеся магистерские диссертации иногда присуждалась степень доктора. В начале XIX в. в большинстве стран Западной Европы степень магистра была заменена степенью доктора философии.

Ученые звания *доцента* и *приват-доцента* введены университетским уставом 1863 г. (см. коммент. 13), который одновременно ликвидировал младшее ученое звание *адъюнкта*. Адъюнктами назывались лица, прохо-

дившие научную стажировку, помощники профессора (руководителя кафедры). С 1863 г. доцентами считались штатные преподаватели высших учебных заведений, имевшие ученую степень магистра. Приват-доцентура была создана по инициативе Н.И. Пирогова с целью расширения круга преподавателей, способных вести лекционные курсы наряду с профессорами и доцентами. Приват-доцентам, как правило, поручали чтение так называемых необязательных курсов. Университетский устав 1884 г. ликвидировал звание доцента и заменил его званием приват-доцента.

Докторантами назывались лица, выдержавшие экзамен на степень доктора медицины, но еще не защитившие докторской диссертации.

Степень *доктора наук*, законодательно введенная в России в 1819 г., являлась высшей ученой степенью, присуждаемой университетами. Она присваивалась ученым, имевшим ученую степень магистра и публично защитившим докторскую диссертацию.

Ученое звание *профессора* появилось в учебных заведениях России с начала XVIII в. Первыми профессорами назывались члены Петербургской АН и преподаватели основанных одновременно с ней академического университета и гимназии, звания профессора и члена ПАН сначала были равнозначны. Университетским уставом 1804 г. были введены звания *ординарного* и *экстраординарного профессора*, причем для получения первого звания требовалась ученая степень доктора наук, второго – магистра. Ординарные профессора заведовали кафедрами; перевод из экстраординарных в ординарные профессора производился министром народного просвещения по представлению попечителей учебных округов. Звание *заслуженного профессора* присваивалось по истечении 25 лет научно-педагогической деятельности.

О численности научных кадров в дореволюционных университетах можно судить по их официальным отчетам. Так, в Петербургском университете на 1 января 1914 г. на четырех факультетах (историко-филологическом, физико-математическом, юридическом и восточных языков) состояло 322 преподавателя; профессор богословия – 1, ординарных профессоров – 33, экстраординарных профессоров – 10, сверхштатных профессоров – 5, заслуженных профессоров – 27, приват-доцентов – 162, лекторов – 11, лаборантов и зав. учебной частью – 73; оставленных при университете для подготовки к профессорскому званию числилось 203; училось студентов 7608, включая 166 вольнослушателей (из них на самом большом факультете, юридическом – 3700 студентов; на самом малом факультете, восточных языков – 128 студентов).

До 1912 г. в Императорской Петербургской Академии наук было три высших академических звания: *ординарный академик*, *экстраординарный академик*, *адъюнкт*. Они составляли Конференцию (Общее собрание). Не входили в Общее собрание, т.е. не имели права голоса русские и иностранные *почетные члены* и *члены-корреспонденты*, которые непосредственно не участвовали в работах Академии и никакого денежного вознаграждения не получали. Правами действительных членов АН не пользовались и *почетные академики* по Разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности (ОРЯС), куда входили писатели, критики и т.п. Это звание возникло в 1900 г. в связи с Пушкинским юбилеем и перестало существовать в 1918 г.

¹¹ Речь идет о кн.: Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования: Историческая записка. СПб., 1870. См.: Приложение II. Список лицам, удостоенным

университетом магистерской и докторской степеней, с означением диссертаций, представленных ими и защищенных. С. XI–XXXIV.

¹² С.А. Жебелёв имеет в виду временное положение “Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета” (1819), в первое время выполнявшее функции устава столичного университета. Согласно положению университет в научных вопросах возглавлял ректор, ежегодно избиравшийся профессорами, который председательствовал в Конференции и заседал в Правлении. Наряду с ректором существовала должность директора, осуществлявшего административно-хозяйственное руководство университетом. В 1824 г. Петербургскому университету велено было руководствоваться уставом Московского университета, т.е. общеуниверситетским уставом 1804 г. (см. коммент. 13); заведование учебными и административно-хозяйственными делами университетского округа перешло к Совету (бывшей Конференции). Гуманитарные науки преподавались на философско-юридическом факультете, где читались богословие, история церкви, философия, история философии, право, политэкономия и логика, и на историко-филологическом факультете, где велись курсы по всеобщей истории, истории России, статистике, классической филологии, истории русской словесности, риторике, пиитике, восточным и романо-германским языкам, географии. См.: Григорьев В.В. Указ. соч. С. 45, 49, 51–53, 55–59.

¹³ До Октябрьской революции 1917 г. в России университетские уставы являлись законодательными актами, определявшими организационное устройство и порядки в университетах. В ноябре 1804 г. был издан первый общий университетский устав, установивший автономно по образцу немецких университетов. Во главе университета стоял Совет из ординарных и заслуженных профессоров. Совет фактически исполнял обязанности Ученого совета и являлся высшей инстанцией университетского суда. Он избирал на один год ректора, инспектора, деканов, профессоров, определял порядок учебного процесса, утверждал составленные факультетами планы преподавания и расписание экзаменов. Факультеты, которые наряду с профессорами состояли из адъюнктов, экзаменовали и присуждали ученые степени – кандидата, магистра и доктора. Университеты стали центрами учебных округов, выполняли цензурные функции и руководили деятельностью начальных и средних учебных заведений. Основная задача, ставившаяся перед ними, – “служить рассадниками преподавателей средней школы”.

Устав 1835 г., принятый при руководстве Министерством народного просвещения графом С.С. Уваровым (1833–1849), юридически упразднил университетскую автономию – управление университетами перешло к попечителям учебных округов, подчиненных Министерству народного просвещения. Устав имел целью установить более жесткий правительственный контроль за университетами, создавал условия, затруднявшие доступ в них молодежи из низших слоев общества, и, напротив, способствовал привлечению в университеты выходцев из дворянского сословия. Совет профессоров был лишен самостоятельности как в учебных, так и в научных делах, однако сохранил право возведения в ученые степени. Так, в 1835 г. Петербургский университет присудил степень доктора права юристу К.А. Неволину. Однако с 1837 г. право Совета университета присуждать ученые степени было ограничено обязательным утверждением таких решений попечителем (для кандидатской степени) или министром (для степеней магистра и доктора). По уставу 1835 г. административные должности ректора и

деканов оставались выборными, причем срок их полномочий продлевался на четыре года вместо одного, однако кандидатуры ректоров утверждались царем, а профессоров – попечителем учебного округа. Инспектор студентов, ранее выбиравшийся Советом, теперь назначался попечителем округа из “военных или гражданских” лиц, служивших не в университете. Правление, ведавшее хозяйственными делами, было теперь подчинено не Совету, а попечителю учебного округа. Университеты лишились и судебных прав. Для студентов устанавливалась форма, регламентировались внешние правила их поведения. В университетах были созданы факультеты: философский с отделениями историко-филологическим (1-е отделение) и физико-математическим (2-е отделение), юридический и медицинский; на философском факультете русская история впервые выделялась в самостоятельную кафедру, была введена новая кафедра славянских наречий; обязательными предметами стали богословие, церковная история и действующее право. В Петербургском университете на кафедре греческой и римской словесности было начато преподавание древностей; увеличено число преподаваемых восточных языков. Разделение философского факультета на два отделения сохранялось вплоть до 1850 г., когда отделения были преобразованы в самостоятельные факультеты – историко-филологический и физико-математический. В 1854 г. в университете открылся факультет восточных языков, а в 1860 г. – кафедра византийских древностей и литературы. См.: Григорьев В.В. Указ. соч. С. 108–110, 248.

Принятый в царствование Александра II устав 1863 г. вновь восстановил автономии профессорской корпорации университетов – университеты получили большую самостоятельность в научном, учебном, административном и хозяйственном отношении. Он восстановил права Совета профессоров, ставшего главным органом университетского самоуправления, и университетский суд. Совет выбирал ректора, проректора, инспектора, деканов и профессоров, утверждавшихся министерством; мог делить факультеты на отделения, заменять одни кафедры другими, соединять и разделять их, определять круг обязательных и необязательных предметов; ведал заграничными командировками молодых ученых для подготовки к профессорскому званию. Именно Совет утверждал в ученых степенях, присуждал медали и премии, объявлял конкурсы для занятия вакантных кафедр, утверждал постановления университетского суда. Роль попечителя учебного округа была сведена к общему надзору. В университеты впервые были допущены женщины-вольнослушательницы, повсеместно начали создаваться студенческие научные кружки. Устав 1863 г. предусматривал в университетах 4 факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский (за исключением Петербургского, который вместо медицинского факультета имел факультет восточных языков). В те же годы в Дерптском университете, руководствовавшемся не общеуниверситетскими, а собственными уставами, преподавание красноречия и эстетики заменяется курсом археологии, который читают профессора кафедры древнеклассической филологии и археологии.

Однако через 20 лет, введенный при министре И.Д. Делянове (1882–1897) реакционный устав 1884 г. опять ликвидировал автономию университетов, передав контроль над ними Министерству народного просвещения. В основу этого устава было положено чрезвычайное усиление власти попечителя и ректора. Устав лишил университеты права выбора и установил назначаемость министром ректора, деканов, профессоров; Совет уни-

верситета был лишен всякого значения, при этом Правление получило значительную административную власть и влияние; вводилась инспекция над студентами. 27 августа 1905 г. под напором студенческого революционного движения были изданы “Временные правила об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения”, которые ввели основы университетской автономии – выборность ректора, его помощников, деканов факультетов, которые, однако, должны были утверждаться Министерством, а ректор – царем. Временные правила действовали недолго, и к 1911 г. власти кодификацией, разъяснениями, практикой постепенно свели на нет уступки университетам. Устав 1884 г. фактически действовал до Февральской революции 1917 г. Об отношении Жебелёва к уставу 1884 г. подробнее см.: Жебелёв С.А. Из университетских воспоминаний (1886–1890 гг.) // *Анналы*. 1922. Вып. 2. С. 168–187 (переизданы: ВДИ. 1968. № 3. С. 158–175).

¹⁴ Декретом СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. “О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики” дореволюционная система аттестации научных кадров была упразднена, отменены старые ученые звания и степени: магистра, доктора, адъюнкта, приват-доцента, разделение профессоров на заслуженных, ординарных, экстраординарных и адъюнкт-профессоров, упразднены звания ординарных и экстраординарных академиков. Взамен установлены единые звания *профессора* и *преподавателя* для лиц, осуществляющих преподавательскую деятельность в вузах. Все члены РАН получали одинаковое наименование действительных членов Академии. При этом для сотрудников научно-исследовательских учреждений званий установлено не было.

Тем же декретом с целью борьбы с “реакционной частью профессуры”, враждебно встретившей советскую власть, было установлено, что профессора и преподаватели, имеющие общий 15-летний научно-педагогический стаж или 10-летний стаж работы в одном вузе, считаются выбывшими с должностей и подлежат новому избранию по всероссийскому гласному и публичному конкурсу, проведенному в 1919 г. Право избрания на должность принадлежало советам факультетов, однако оно было ограничено тем, что местные органы советской власти, после публикации известия о вакансиях в прессе и оглашения имен кандидатов на должность, могли заявить протест против выдвинутых кандидатов и отклонить их от участия в конкурсе.

В 1920 г. было принято “Положение о научных работниках университетов”, согласно которому избрание профессоров было возложено на Государственный ученый совет (ГУС) Наркомпроса РСФСР, преподавателей – на президиумы университетов. Для зачисления на работу в учреждения науки и высшего образования не требовались формальные показатели (дипломы, ученые степени, звания, аттестаты), а степень подготовленности кадров произвольно определялась администрацией на основании результатов творческой и/или педагогической деятельности конкретного ученого/преподавателя. В 1921 г. Лениным был подписан на первый взгляд вполне демократичный декрет, утвердивший “Положение о высших учебных заведениях”. В вузах им вводилось коллегиальное руководство учебной, научной и административной деятельностью, однако в состав правлений и советов как вузов, так и факультетов, наряду с профессурой, на паритетных началах вводились “представители пролетарского студенчества”, профсоюзов, центральных и местных органов власти. Определялись три категории педагогических работников – *профессора*, *преподаватели*, *научные сотрудники* (помогающие профессорам или готовящиеся к самостоятельной учеб-

ной или научно-педагогической деятельности), которые избирались по конкурсу соответственно на 10, 7 лет и 3 года.

В высшей школе звание *профессора* присваивалось при утверждении в должности *профессора* ГУС Наркомпроса РСФСР, а право на звание преподавателя автоматически получалось при утверждении в должности преподавателя правлением вуза. В научно-исследовательских институтах в 1925 г. были введены конкурсные *разряды*: *первый* для лиц, самостоятельно ведущих исследования, *второй* – для тех, кто только готовится к такой работе, которые соответственно утверждались на 5 лет ГУС или Главнаукой Наркомпроса. Год спустя, в 1926 г. в вузах появились конкурсные должности *доцента* (самостоятельного преподавателя) и *ассистента* (преподавателя), причем доценты утверждались в должности ГУС Наркомпроса РСФСР, ассистенты – Главпрофобром. Но уже в 1929–1931 гг. власти закончили “игры в демократию” с научной интеллигенцией – были ликвидированы как выборность управления вузов (ректоры, деканы и т.п.) и исследовательских институтов, так и конкурсный порядок замещения кадров, и взамен введена назначаемость администрации, научного и педагогического персонала в порядке единоначалия.

Право утверждения в научно-педагогических *должностях* (соответственно, и в *ученых званиях*) долгое время принадлежало правлениям вузов, Наркомпросу, а с 1927 г. и Комитету по заведованию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР. С 1928 г. такое право получили Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) и Наркомат путей сообщения по согласованию с Наркомпросом. В 1932 г., после ликвидации ВСНХ, это право приобрели отраслевые наркоматы по подведомственным им вузам. Единых квалификационных требований к научным кадрам к началу 30-х годов устанавлено не было: директора единолично решали вопросы комплектования научно-педагогического состава вузов и исследовательских учреждений, присваивали *звания* профессоров, действительных членов, доцентов, ассистентов и т.п. приказом о назначении на должность. Это в конечном итоге привело к оттеснению ученых “старой школы” от руководства наукой, к нивелировке положения между молодыми и более опытными научными сотрудниками и преподавателями, к субъективизму в оценке их научной квалификации. Подробнее историю вопроса см.: *Лебин Б.Д.* Подбор, подготовка и аттестация научных кадров в СССР. М.: Л., 1966. С. 22–23, 113–118, 199, 213.

¹⁵ Ученые степени и звания в СССР были учреждены постановлением СНК СССР от 13 января 1934 г. “Об ученых степенях и званиях”. “Ученые степени определяют квалификацию данного лица в области определенной научной дисциплины по объему знаний, степени самостоятельности его научной работы и ее научному значению”. Первая ученая степень – *кандидата наук* – присуждалась лицам, успешно окончившим аспирантуру, сдавшим соответствующие экзамены и публично защитившим кандидатскую диссертацию. Ученая степень *доктора наук* присуждалась лицам, имеющим степень кандидата и публично защитившим докторскую диссертацию. В отдельных случаях ученые, известные своими научными трудами, изобретениями или открытиями, могли быть допущены к защите докторской диссертации без предварительной защиты кандидатской диссертации.

“Ученые звания определяют должностную научную функцию (педагогическую или научно-исследовательскую)”. Младшие ученые звания – *ассистента* и *младшего научного сотрудника* – присуждались постановлением совета вуза или научно-исследовательского учреждения. Звания *доцента* и *старшего научного сотрудника* первоначально также присуждались по-

становлениями совета вуза или научно-исследовательского учреждения, затем утверждались квалификационными комиссиями наркоматов. Звания *профессора* вуза и *действительного члена* научно-исследовательского учреждения присуждались Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию (ВКВТО) при ЦИК СССР (создана в 1932 г.) и квалификационными комиссиями наркоматов просвещения и здравоохранения союзных республик на основе представлений советов вузов и научно-исследовательских учреждений. Однако постановлением СНК СССР от 26 апреля 1938 г. функции по присуждению всех ученых званий были переданы ВАК, утверждавшей их по представлению ученых советов вузов или научно-исследовательских учреждений.

В 1930-е годы широкое распространение получила практика присуждения докторской степени лицам, не имевшим степени кандидата наук, без защиты диссертации (до революции ей была эквивалентна степень почетного доктора *honoris causa*, присуждавшаяся университетами “во внимание к заслугам”). Кандидатуры на ученые степени доктора, выдвинутые учеными советами вузов или НИИ, утверждались ВАК и наркоматами просвещения и здравоохранения союзных республик. Ученая степень доктора наук и ученое звание профессора присуждались ВАК и квалификационными комиссиями этих наркоматов. До 1 января 1936 г. звания профессора, доцента, старшего научного сотрудника и действительного члена могли присуждаться лицам, не имеющим соответствующих ученых степеней.

Ряду учреждений, в том числе АН СССР, Коммунистической академии, ВАСХНИЛ, АН союзных республик, представлялось право самостоятельно утверждать ученые степени кандидата и доктора наук, ученые звания старшего научного сотрудника и действительного члена. Действительным членам этих учреждений степень доктора наук присваивалась автоматически с момента их избрания.

В АН СССР решением Президиума от 11 марта 1934 г. звание *действительного члена* научно-исследовательского учреждения было приравнено к должности *старшего специалиста*, *старшего научного сотрудника* – к должности *специалиста*, *младшего научного сотрудника* – к должностям *научных сотрудников 1 и 2 разряда*. См.: *Лебин Б.Д.* Указ. соч. С. 115–121; *Документы по истории Академии наук СССР, 1926–1934 гг.* / Отв. ред. Б.В. Левшин. Сост. О.В. Иодко. Л., 1988. С. 259–262.

¹⁶ *Кандидат* как первая ученая степень была введена по университетскому уставу 1804 г. и отменена уставом 1884 г. Она присваивалась лицам, окончившим с отличием курс университета или приравненного к нему вуза (лицея, академии), представившим письменную работу на избранную ими тему. Вплоть до 1917 г. степень кандидата существовала лишь в Варшавском и Юрьевском (Дерптском, ныне Тартуском) университетах и Демидовском лицее в Ярославле, а также в духовных академиях, на которых не распространялось действие общеуниверситетских уставов. Степень кандидата употреблялась в сочетании с названием учебного заведения или отрасли знаний, например кандидат Петербургского университета, кандидат словесности и т.п., и при поступлении на государственную службу давала право на чин 10 класса (коллежский секретарь). Существовало также звание кандидата коммерции, которое получали лица, окончившие с отличием курс в Петербургском или Харьковском коммерческих училищах.

¹⁷ То есть “весьма удовлетворительно”, “удовлетворительно”, “неудовлетворительно”.

¹⁸ Намек С.А. Жебелёва на низкий уровень подготовки студентов вузов в послереволюционное время. Декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. при поступлении в вузы отменялись предъявление свидетельств о среднем образовании и плата за обучение, при этом имущие классы лишались всяких привилегий на получение высшего образования. По указанию В.И. Ленина, в высшую школу в первую очередь принимались лица "из среды пролетариата и беднейшего крестьянства" с целью сократить "буржуазное и мелкобуржуазное студенчество". Это, во-первых, привело к катастрофическому снижению общеобразовательного уровня подготовки студентов, а во-вторых, к увеличению числа студентов более чем вдвое по сравнению с дореволюционным периодом, что также отрицательно сказалось на качестве подготовки кадров. Положение усугублялось еще и тем, что в ущерб преподаванию собственно научных дисциплин в 1921 г. по декрету Совнаркома вводился обязательный общественный минимум по историческому материализму, вопросам пролетарской революции и политического строя РСФСР.

С целью регулирования социального состава студенчества еще в годы гражданской войны властями были приняты ограничения политических прав "выходцев из эксплуататорских классов" на прием в вузы. Многие "классово-чуждые элементы" были вычищены в результате постановления СНК РСФСР от 7 мая 1924 г. о проверке состава студентов вузов как "проявивших враждебное отношение к Советской власти" и под предлогом "явной непригодности к занятиям". Только постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 декабря 1935 г. "О приеме в высшие учебные заведения и техникумы", в связи "с изменением отношения классовых сил в СССР" были отменены все ограничения, связанные с социальным происхождением, для лиц, поступающих в учебные заведения. Подробнее см.: *Лебин Б.Д.* Указ. соч. С. 15–16, 20–21, 25, 36.

¹⁹ Не только непрерывно увеличивавшийся "объем научных исследований" и быстрый рост числа научных организаций в 20-е годы, но и задача "пересмотреть людской состав" научных учреждений за счет ученых "старой школы" поставила перед советской властью вопрос о подготовке научных кадров марксистского толка. Смена кадрового состава учреждений науки и культуры проходила не только путем многочисленных чисток, но и с помощью постепенного растворения дореволюционных научных сил в массе новых сотрудников, как правило, коммунистов, комсомольцев и лиц, лояльных советской власти. В первую очередь именно таким целям призван был служить институт аспирантуры.

Лица, оставляемые для подготовки к научно-педагогической работе, впервые именуется аспирантами в инструкциях Наркомпроса РСФСР 1925–1926 гг. о порядке подготовки научных кадров, ограничивавших срок такой подготовки 3 годами. Комиссия по подготовке научных работников при ГУС Наркомпроса РСФСР определяла круг учреждений, где допускалась подготовка аспирантов, и утверждала их состав, руководствуясь не нуждами науки, а прежде всего политическими соображениями. В апреле 1926 г. инструкции были дополнены указанием, что кандидат в аспирантуру должен представить письменную работу (реферат по специальности) и подвергнуться коллоквиуму с целью выяснения "общеметодологической подготовленности... и знакомства с основной литературой по научному социализму". Допускался прием лиц в возрасте от 20 до 40 лет, причем не только выпускников вузов, но и кандидатов, в вузах не учившихся, но "обладающих требуемыми для аспирантов знаниями". Кандидаты в аспирантуру с 1926 г. отбирались ко-

миссиями из профессоры и общественных организаций из числа "студентов-выдвиженцев" на 2–3 курсах, выходцев из рабочих и крестьян, которые прикрепляли к научным руководителям. Выдвиженцы готовились к поступлению в аспирантуру параллельно с учебой в вузе, проводили дополнительные занятия по специальности, марксистской методологии и иностранным языкам. Власти обеспечивали им материально-бытовые льготы и улучшенные условия для занятий. В 1929 г. партийные органы потребовали обеспечить наличие среди выдвиженцев не менее 60% коммунистов.

В 1926 г. были введены "испытания" аспирантов по марксистскому минимуму в течение первых двух лет подготовки. По окончании подготовки аспирант на открытом заседании предметной комиссии или совета института защищал итоги своей научной работы, которая оценивалась на закрытом заседании советом института или президиумом факультета вуза. Успешно завершившие подготовку лица получали право преподавания в вузе или научной работы в исследовательском учреждении.

Постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР в 1929 г. по всей стране была введена централизованная подготовка научных кадров через аспирантуру. В том же году Наркомпрос РСФСР подтвердил возможность приема в аспирантуру лиц, не имеющих высшего образования, и стал организовывать курсы для подготовки к ней граждан "из числа работников партийных, комсомольских, кооперативных и профсоюзных организаций, рабочих с производства, батраков, колхозников, крестьян-бедняков и середняков, а также из неорганизованного населения национальных республик, областей и нацменьшинств РСФСР". Партийные организации непосредственно направляли эту работу, принимали участие в подборе кадров для аспирантуры. В 1930 г. были созданы местные органы (комиссии) для руководства подготовкой научных кадров, в состав которых вошли представители исследовательских организаций, вузов, работники отделов народного образования, партийных, советских и профсоюзных органов. 19 сентября 1932 г. постановлением ЦИК СССР "Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах" законодательно был установлен единый для всей страны порядок подготовки научных кадров, который определял, что в аспирантуру могут быть приняты только лица с высшим образованием. Целью подготовки аспирантов становилась исследовательская работа, сопровождавшаяся сдачей зачетов и завершавшаяся защитой диссертации. См.: *Лебин Д.Б.* Указ. соч. С. 25–27, 30–36.

²⁰ Еще в 1924–1925 гг. Академия наук, до Октябрьской революции не имевшая исследовательских институтов, вела переговоры с СНК СССР и Наркомпросом РСФСР об организации подготовки научной смены через институт практикантов, несколько отличный от института аспирантуры при вузах (для практикантов была исключена обязательная для аспирантов вузов подготовка к преподавательской деятельности). В марте 1926 г. СНК СССР постановил учредить при АН СССР 25 штатных должностей практикантов при академических учреждениях, главным образом при музеях, и отпустил средства на их содержание. Институт практикантов не имел утвержденного положения и существовал на основании внутриакадемических правил, одобренных самой АН СССР. Срок подготовки практикантов был двухлетний, с оплатой 80 руб. в месяц. Предполагалось, что лица, поступающие на службу в АН СССР, будут командироваться за границу по окончании срока практиканства для завершения научной подготовки.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 18 августа 1929 г. о научных кадрах была введена аспирантура. В соответствии с ним институт практикантов

при АН СССР ликвидировался, а взамен создавался институт аспирантуры, ставший инструментом для подготовки научных работников марксистского толка как для Академии наук, так и для других научно-исследовательских учреждений СССР. Часть академиков высказывалась против введения аспирантуры, так как считала, что "задача подготовки более широкого круга научных работников не отвечает назначению Академии, а относится к задачам вузов". Однако нажим сверху оказался сильнее. В октябре 1929 г. были утверждены правила приема, согласно которым для поступления в академическую аспирантуру требовались рекомендация (вуза, исследовательского учреждения или члена АН СССР и общественных организаций), знание одного иностранного языка, сдача коллоквиума по диалектическому и историческому материализму. Прием проводила Комиссия по аспирантам из числа действительных членов АН СССР.

Распределение числа аспирантов закрепляло постепенно складывавшийся в советское время и инициированный извне перекося в структуре учреждений Академии наук в пользу физико-математических и естественных дисциплин. Там, в 1929 г. 75 мест аспирантов в АН СССР предоставлялось Отделению физико-математических наук и только 25 мест Отделению гуманитарных наук, причем 40 человек из них должны были непременно быть членами партии. Фактически и академическую аспирантуру в 1929 г. поступили 69 человек, в 1930 г. – 97, в 1931 г. – 207 человек. В 1931 г. состоялся первый выпуск 13 аспирантов.

В уставе АН СССР 1930 г. была введена новая статья о создании института аспирантуры при Академии наук. В том же году решением Президиума АН СССР Комиссия по аспирантам была преобразована в Комитет по подготовке кадров. Одновременно с основной группой аспирантуры была создана подготовительная группа, куда принимали лиц, окончивших вузы, а затем переводившихся в основное отделение. В 1930 г. на подготовительном отделении, куда были приняты 57 человек, 66% являлись членами ВКП(б) и комсомолецями, около 23 были выходцами из рабочего класса и свыше 50% из крестьянства. Подробнее см.: *Сушкин П.П.* Подготовка новых работников Академии // Академия наук СССР за десять лет, 1917–1927 гг. Л., 1927. С. 226–235; *Лебин Б.Д.* Указ. соч. С. 28–29, 32; Документы по истории Академии наук СССР, 1926–1934 гг. С. 9–10, 109–111, 113–116, 134–135.

²¹ *Шляпкин Илья Александрович* (1858–1918) – историк русской литературы, член-корреспондент Академии наук; *Платонов Сергей Федорович* (1860–1933) – историк России, действительный член АН; *Введенский Александр Иванович* (1856–1925) – философ и психолог.

²² Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК, с 1919 по январь 1926 – Российская академия истории материальной культуры, РАИМК) была создана на базе ликвидированной Российской государственной археологической комиссии, преемницы Императорской Археологической комиссии. Согласно справочнику "Наука в России. Вып. 1. Петроград" (Пг., 1920. С. 89) на 1 января 1918 г. списочный состав Российской государственной археологической комиссии, размещавшейся в Зимнем дворце, выглядит так: председатель А.А. Бобринский, товарищ председателя В.В. Латышев, старший член Н.И. Веселовский, члены Л.А. Моисеев (в Севастополе), П.П. Покрышкин, А.А. Спицын, Б.В. Фармаковский, В.В. Шкорпил (в Керчи); сверхштатные члены Ф.А. Браун, Н.И. Булычев, Э.Р. фон Штерн, Ю.А. Кулаковский, А.А. Ширинский-Шихматов, М.И. Ростовцев; члены-корреспонденты И.С. Китнер, В.В. Радлов, В.А. Жуковский,

А.С. Лаппо-Данилевский, А.Л. Бертъе-Делагард, Г.И. Котов, В.К. Мальмберг, Н.Я. Марр, С.А. Жебелёв, А.И. Марков, К.К. Романов, М.В. Фармаковский, А.И. Маленин; делопроизводитель И.С. Сутолло, регистратор Н.В. Суходольский. Бюджет комиссии составлял 84 532 руб. Библиотекой, насчитывавшей около 21 тыс. названий, ведал библиотекарь А.С. Раевский. Комиссия руководила музеями древностей в Кречи и Херсонесе.

С.А. Жебелёв был связан с Академией с момента ее основания. Как председательствующий в РАО 5 августа 1919 г. он был избран действительным членом РАИМК и впоследствии занимал следующие должности: товарищ председателя (март 1923 – 15 ноября 1928); заведующий разрядом Элады и Рима (5 июля 1920 – 13 ноября 1929), председатель Библиотечно-библиографической комиссии III (организационно-методологического) отделения ГАИМК; 20 ноября 1929 г. введен в состав разряда древних культур Причерноморья Института истории рабовладельческого общества (ИИРО) ГАИМК; с 20 января 1934 г. исполнял обязанности заведующего кафедрой истории античных колоний Причерноморья ИИРО (в 1936 г. ИИРО переименован в Институт истории древнего мира (ИИДМ); с 5 ноября 1937 г. – заведующий сектором Древнего Причерноморья ИИДМ. В 1937 г. институты в составе ГАИМК были ликвидированы, а сама Академия реорганизована в Институт истории материальной культуры (ИИМК) и передана в ведение АН СССР. С 1938 г. до конца жизни С.А. Жебелёв являлся заведующим сектором Древнего Причерноморья ИИМК АН СССР. См.: РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5; Ф. 35. Оп. 5–6.

Роль РАИМК–ГАИМК в истории отечественных гуманитарных дисциплин определяется квалификацией ее научного состава. Считаю нужным привести малоизвестные сведения о структуре и сотрудниках ГАИМК на 1925–1926 гг. Имена большинства ученых навсегда вписаны в историю отечественной науки, в том числе в историю археологии, востоковедения, искусствознания, нумизматики и др.

Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК). Наб. 9 января, 6, Мраморный дворец). "Археологическое и художественно-историческое исследование вещественных памятников древности, искусства и старины и научная охрана всех материальных культурных ценностей; разработка вопросов, касающихся этнологии, археологии и истории искусства, а равно и художественно-историческая оценка вновь открываемых памятников древности, искусства, старины и народного быта с целью их охранения и изучения; научная сторона работ по реставрации и ремонту монументальных памятников древности, искусства и старины; развитие и распространение в стране знаний, относящихся к этим памятникам, и правильного понимания их культурной ценности и значения; ведению ГАИМК подлежат научная сторона всех археологических разведок и раскопок, право на производство которых выдается Отделом музеев. Бюджет до 150 тыс. руб."

Председатель академик Н.Я. Марр, товарищи председателя академики В.В. Бартольд, С.А. Жебелёв, ученый секретарь Б.В. Фармаковский.

Этнологическое отделение. Председатель А.А. Миллер, секретарь П.П. Ефименко.

Разряды: 1. *Первобытной культуры*; 2. *Палеоэтнологии* – заведующий А.А. Миллер, ассистент П.П. Ефименко, научный сотрудник С.А. Теплоухов, регистраторы А.М. Оранжеева, А.Н. Серова-Любимова; 3. *Этнографической антропологии* – заведующий В.В. Богданов, ученый сотрудник С.И. Руденко, научный сотрудник А.К. Штамм, научно-технический сотруд-

ник Н.С. Розов; 4. *Этнографии* – заведующий Д.А. Золотарев, научные сотрудники А.Л. Колобаев, С.А. Еремин, Н.П. Гринкова, Л.И. Песселег; 5. *Археологии Кавказа и нефитического мира* – заведующий академик Н.Я. Марр; ассистент И.И. Мещанинов, научные сотрудники А.Н. Генко, Ю.Н. Марр, Н.К. Ахтямова; 6. *Археологии русской* – заведующий А.А. Спицын, ученый сотрудник Ю.В. Готье, научные сотрудники: И.А. Карабинов, А.В. Бородин, регистраторы Т.Ф. Копылова, В.С. Шамонова.

Археологическое отделение. Председатель академик В.В. Бартольд, секретарь А.П. Смирнов.

Разряды: 1. *Археологии и искусства Древнего Востока* – заведующий В.К. Шилейко, научные сотрудники В.В. Струве, И.Г. Франк-Каменецкий, Т.Н. Бороздина, Н.Д. Флиттнер, М.Э. Матье-Ольдерогге; 2. *Эллады и Рима* – заведующий С.А. Жебелёв, регистратор А.И. Доватур; 3. *Археологии Скифии и Сарматии* – заведующий Б.В. Фармаковский, ассистент К.В. Тревер, научные сотрудники Г.И. Боровка, Е.Р. Малкина, регистратор А.П. Манцевич; 4. *Археологии и искусства раннехристианского и византийского* – заведующий А.А. Васильев, член Ф.И. Шмит, ученые сотрудники академик Н.П. Лихачев, академик Ф.И. Успенский, Н.В. Малицкий, ассистент А.П. Смирнов, научные сотрудники Н.Д. Протасов, Н.В. Измайлова, Е.Ч. Скржинская, М.А. Тиханова-Клименко; 5. *Археологии искусства средневекового Запада* – заведующий Д.В. Айналов, ученый сотрудник О.А. Добиаш-Рождественская, научный сотрудник В.А. Брим; 6. *Прикладного искусства* – заведующий А.Н. Кубе, ученый сотрудник С.Н. Тройницкий; 7. *Археологии и искусства Индии и Дальнего Востока* – заведующий академик С.Ф. Ольденбург, ученый сотрудник В.М. Алексеев, научный сотрудник С.М. Дудин; 8. *Археологии Средней Азии* – заведующий академик В.В. Бартольд, регистратор А.Ю. Якубовский; 9. *Археологии и искусства мусульманского* – заведующий Ф.А. Розенберг, регистратор В.А. Эберман; 10. *Археологии и искусства Армении и Грузии* – заведующий И.А. Орбели, ученый сотрудник И.В. Моргилевский, научный сотрудник Н.М. Токарский, регистраторы М.М. Гирс, Н.И. Кюрдян.

Художественно-историческое отделение. Председатель Н.П. Сычев, секретарь Н.В. Малицкий.

Разряды: 1. *Греко-римского искусства* – заведующий Б.В. Фармаковский, ученые сотрудники Б.Л. Богаевский, О.Ф. Вальдгауер, ассистент Е.О. Прушевская, научные сотрудники О.О. Крюгер, О.А. Пини, Т.Н. Книпович, регистраторы Е.К. Булгакова, В.Ф. Штейн; 2. *Русского искусства* – заведующий Н.П. Сычев, ученый сотрудник П.И. Нерадовский, С.П. Яремич, ассистент А.И. Кудрявцев, научный сотрудник В.К. Станюкович, А.П. Мюллер, Л.А. Дурново, Е.К. Мороз, Н.С. Платонова, Е.П. Реутт-Полетаева; 3. *Русского зодчества* – заведующий К.К. Романов, ученый сотрудник П.И. Дмитриев, М.Т. Преображенский, ассистент О.М. Равицкая, научный сотрудник Н.П. Никитин, научно-технические сотрудники А.А. Леонтьев, Е.Н. Глезер, Е.А. Пистолькорс, Л.М. Шуляк.

Комиссии: 1. *По социологии искусства и искусствоведению* – председатель А.В. Луначарский, заместитель председателя Б.В. Фармаковский, товарищ председателя Б.Л. Богаевский, секретарь Т.М. Девель; 2. *Эгейская* – председатель Б.Л. Богаевский, научный сотрудник Л.А. Динцес, регистратор А.И. Запольская; 3. *По раскопкам* – председатель академик Н.Я. Марр, товарищ председателя академик В.В. Бартольд, члены А.А. Миллер, Г.И. Боровка, И.А. Орбели, А.А. Спицын, Б.В. Фармаков-

ский; 4. *По регистрации памятников архитектуры* – председатель академик Н.Я. Марр, товарищ председателя К.К. Романов, секретарь Н.В. Малицкий; 5. *Библиотечная* – председатель А.А. Сиверс, члены Б.В. Фармаковский, В.Н. Бенешевич, П.И. Прозоров, Д.А. Золотарев, С.А. Жебелёв, П.И. Нерадовский, М.В. Фармаковский.

Секция общероссийской архитектуры – заведующий А.П. Удаленков, член Н.Б. Бакланов, ученый сотрудник Г.И. Котов, научный сотрудник Е.И. Катонин, научно-технический сотрудник И.Г. Безруков, К.И. Бондаренко.

Секция нумизматики и глиптики – заведующий А.А. Ильин, ученый сотрудник А.В. Орешников, научные сотрудники Н.П. Бауер, А.Н. Зограф, А.А. Сиверс, Р.Р. Фасмер, регистратор А.А. Быков.

Московская секция – председатель Д.Н. Егоров, заместитель председателя Ю.В. Готье, ученый секретарь Н.Д. Протасов.

Бюро по делам Русского археологического института в Константинополе – члены академик Ф.И. Успенский, А.А. Васильев, Б.В. Фармаковский.

Общество поощрения художеств (ул. Герцена, 38). Основано в 1820 г. под названием Общество поощрения художников, с 1882 г. – Императорское общество поощрения художеств, с 1917 г. – Всероссийское общество поощрения художеств; с 1924 г. в ведении РАИМК. “Объединение лиц, работающих в области изобразительных искусств; содействие процветанию художественного творчества в СССР; распространение художественных знаний и пробуждение интереса к задачам общества в общественной среде. Бюджет 4 тыс. руб. Число членов 66. Председатель П.И. Нерадовский (с мая 1928 г. – Н.А. Сергеев), заместитель председателя Б.К. Рерих, секретарь И.М. Степанов (с 1917 по 1929 гг.), члены комитета А.Н. Бенуа, В.И. Каразин, Ф.Ф. Нотгафт, И.А. Орбели, М.А. Сергеев, К.В. Тревер, С.Р. Эрнст, С.П. Яремич, Н.Н. Чернягин (казначей). В 1928 г. при ОПХ организована Секция гравюров, в 1929 г. – Секция акварелистов, существовавшие фактически как самостоятельные объединения профессиональных художников. Музей ОПХ (Музей прикладного искусства им. Д.В. Григоровича), созданный в 1870 г., после передачи общества в ведение ГАИМК был национализирован и передан Академии. 17 сентября 1929 г. по инициативе администрации ГАИМК была создана ликвидационная комиссия, завершившая работу 18 февраля 1930 г., и упразднившая общество и его секции как “несоответствующее духу времени”; фонды музея были расформированы и переданы в государственные музеи.

Склад древностей (“хранение предметов народного быта как принадлежащих ГАИМК, так и поступающих для исследования”) – хранитель Н.Э. Успенская, регистраторы М.П. Румянцова, Е.П. Столица.

Архив – хранитель М.Н. Никитин. **Фотографический склад** – научный сотрудник Т.М. Девель, фотограф И.Ф. Чистяков.

Склад изданий – хранитель Р.Р. Карновский.

Комитет популяризации художественных изданий (ул. Герцена, 38). Основан в 1896 г. как издательство Евгенинской общины, в 1920 г. преобразовано в КПХИ – научно-художественное издательство при ГАИМК. Бюджет 15 000 руб. Председатель И.М. Степанов, заместитель председателя С.П. Яремич, заведующий изданиями Н.Н. Чернягин, члены А.Н. Бенуа, А.А. Ильин, П.И. Нерадовский, Ф.Ф. Нотгафт, М.А. Сергеев, С.Р. Эрнст, П.Д. Эттингер, Б.В. Фармаковский.

Институт археологической технологии (ИАТ). Основан 4 февраля 1919 г. “Содействие учреждениям, имеющим дело с предметами искусства с точки зрения техники и производства, материала и методов реставрации и

хранения, а также выяснение связи между материалом и воплощением в нем художественного замысла". Председатель академик А.Е. Ферсман, ученый секретарь М.В. Фармаковский.

Разряды: камня драгоценного и поделочного – заведующий академик А.Е. Ферсман, научные сотрудники А.Ф. Котлер, В.И. Кржижановский, В.А. Унковская; **керамики и стекла** заведующий – М.В. Фармаковский, научные сотрудники Н.А. Жирнова, А.Т. Федотов, М.Ф. Голубцов; **техники живописи и технологии красок** – заведующий П.И. Дмитриев, научные сотрудники Л.Ф. Ильин, Б.С. Пушницкий; **металла** – заведующий И.А. Гальнбек, научный сотрудник И.П. Красников, регистраторы Н.Н. Курнаков, Н.И. Нарбут; **органических остатков** – заведующий М.И. Тихий, научные сотрудники В.И. Громова, В.И. Громов, В.М. Тимофеев, регистратор М.П. Грязнов.

Комиссии: 1. По борьбе с книжными вредителями; 2. По вопросу о способах сохранения древнерусской фрески.

Библиотека ГАИМК: книги по археологии и истории искусств, особый отдел фотографических снимков и диапозитивов. Число томов до 500 тыс. Библиотекарь В.Н. Бенешевич, помощник библиотекаря П.И. Прозоров, каталогизаторы Т.Д. Лодыженская, Е.Р. Дешп, М.Н. Сменцовский, О.А. Магнус, В.В. Протопопов.

Источники: Наука и научные работники СССР. Л., 1926. Ч. 2: Научные учреждения Ленинграда. С. 87–90, 260; *Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820–1932): Справочник. СПб., 1992. С. 182.

²³ Институт аспирантуры был введен в ГАИМК в начале 1926 г. В числе первых пяти штатных аспирантов, обучение которых финансировалось из бюджета ГАИМК, были М.И. Артамонов, В.А. Богусевич, А.А. Иессен, С.Н. Замятин, М.И. Николаева, М.Г. Худяков, П.Н. Шульд. За счет других учреждений финансировалось обучение двух внештатных аспирантов, среди которых была Е.И. Леви. В секторе (разряде) Эллады и Рима позднее состояли аспирантами К.М. Колобова (1930–1932) и С.И. Капошина (с 1931 г.).

²⁴ После Октябрьской революции 1917 г. гуманитарные факультеты Петроградского университета (в 1918–1919 гг. – Первого Петроградского государственного университета) претерпели несколько реорганизаций. В 1919 г. в состав университета вошли Второй университет (т.е. Петроградский женский университет, бывш. Высшие женские (Бестужевские) курсы) и два факультета Третьего университета (бывш. Психоневрологического института). Осенью 1919 г. при Первом Петроградском университете был создан факультет общественных наук (ФОН), куда влились историко-филологический, юридический факультеты и факультет восточных языков. Здесь были открыты отделение археологии и истории искусств и этнолингвистическое отделение. В июле 1922 г. к университету был присоединен ликвидированный Петроградский археологический институт, на базе которого создано археологическое отделение ФОН. С января 1924 г. университет получил название Ленинградского государственного (с 1932 г. носил имя А.С. Бубнова). В мае 1925 г. к ЛГУ был присоединен Географический институт в виде географического факультета.

Летом 1925 г. громоздкий “гуманитарный комбинат” ФОН был преобразован. Из его структуры выделены отделения языкознания, литературы и археологическое отделение, образовавшие факультет языкознания и истории материальной культуры (ямфак), также разделенный на ряд отделений: литературно-лингвистическое, истории материальной культуры, об-

щественно-педагогическое (ликвидировано осенью 1926 г.). В составе ямфака существовало несколько кабинетов (С.А. Жебелёв был заведующим кабинетом древнего мира), а также Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (создан в июне 1921 г., до 1923 г. носил имя А.Н. Веселовского, с мая 1923 г. при ФОН).

В год “великого перелома” в СССР под влиянием идей М.Н. Покровского было прекращено преподавание древней истории и классических языков, что нанесло огромный ущерб науке, образованию и культуре. Громко звучали голоса, объявлявшие изучение древних культур делом бесполезным и реакционным, требовавшие переключиться на занятия экономикой и политикой. Следствием этого стала реорганизация ЛГУ. Летом 1929 г. ямфак преобразовывается в историко-лингвистический факультет, а в 1930 г. на его базе создается Ленинградский государственный историко-лингвистический институт (ЛГИЛИ) (с 1933 г. – Ленинградский государственный институт истории, философии и лингвистики, ЛИФЛИ) с отделениями историческим, литературным, философским, лингвистическим, экскурсионно-краеведческим, а также с рядом кабинетов и лабораторий. ЛГИЛИ был выведен из структуры ЛГУ, где остались представлены лишь физико-математические и естественные дисциплины.

Но уже в 1932 г. решением ЦИК СССР в университетах восстанавливалась факультетская структура. В 1934–1936 гг. были приняты постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР “О преподавании гражданской истории в школах СССР”, “О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР”, “Об учебниках по истории”, опубликовано сообщение “О положении в исторической науке и преподавании истории”, которые подвергли критике “упрощение и схематизм в понимании исторического процесса”, осудили “перегибы покровщины” и призвали отказаться от “схематизма, начетничества и догматизма”, восстановить курс гражданской истории в вузах и средних учебных заведениях, подготовить новые, марксистские учебники по истории. С 1 сентября 1934 г. в ЛГУ был воссоздан исторический факультет, куда из ЛИФЛИ были переведены некоторые кафедры. В 1937 г. ЛИФЛИ (с оставшимися в его структуре литературным и лингвистическим факультетами) вошел в состав университета на правах филологического факультета с восточным отделением. Лишь в 1944/45 уч. году в составе ЛГУ был воссоздан восточный факультет. См.: Наука и научные работники СССР. Ч. 2: Научные учреждения Ленинграда. С. 88–99, 146–156; *Тихонов И.Л.* Организация и развитие археологического отделения ЛГУ (1917–1936) // Вестник Ленинградского университета. 1988. Сер. 2. Вып. 3 (№ 16). С. 8–16; *Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузицина. М., 1980. С. 335–336.*

²⁵ Resp. сокращение от respective (лат.), здесь и далее в значении: или, либо.

²⁶ *Адрианов Сергей Александрович* (1871–1942) – историк литературы; *Гребенкин Александр Иванович* (р. 1881 г.) – историк философии; *Евлахов Александр Михайлович* (1880–1969) – литературовед, приват-доцент Петербургского, а затем Варшавского университетов; *Каль Алексей Федорович* (р. 1878 г.) – искусствовед; *Коган Петр Семенович* (1872–1932) – историк литературы; *Поварнин Сергей Иннокентьевич* (1870–1952) – философ; *Смирнов Александр Александрович* (1883–1962) – историк зарубежных литератур, профессором Ленинградского университета стал после революции; *Спицын Александр Андреевич* (1858–1931) – археолог; *Строев Васи-*

лий Николаевич (р. в 1873) – историк России; *Хилинский Константин Владимирович* (1881–1939) – историк античности и археолог, приват-доцент Петербургского университета, после революции – профессор Львовского университета; *Шебор Иосиф Антонович* (1848–1928) – филолог-классик.

²⁷ *Жаков Каллистрат Фалалеевич* (1866–1926) – этнограф, философ.

²⁸ Диссертация для получения права чтения лекции в университете (лат.).

²⁹ С известными оговорками, не допуская полной аналогии (лат.).

³⁰ Речь идет об источниках на древнегреческом и латинском языках, обязательных для изучения в классических гимназиях – “Греческая история” Ксенофонта Афинского (430–425 – после 335 г. до н.э.) и “История Рима от основания города” Тита Ливия (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.).

³¹ *Соколов Федор Федорович* (1841–1909) – историк античности; *Ернштедт Виктор Карлович* (1854–1902) – филолог-классик.

³² *Незеленов Александр Ильич* (1845–1896) – историк русской литературы; *Андреев Иван Дмитриевич* (1867–1927) – историк церкви; *Браун Федор Александрович* (1862–1942) – историк и филолог; *Гревс Иван Михайлович* (1860–1941) – историк, специалист по средневековой Европе; *Кадлубовский Арсений Петрович* (1867–1921) – историк русской литературы; *Мелиоранский Борис Михайлович* (1870–1906) – византист, историк церкви; *Ястребов Николай Владимирович* (1869–1923) – историк и филолог-славист. Сам С.А. Жебелёв, защитив магистерскую диссертацию в декабре 1898 г., с 4 февраля 1899 г. стал приват-доцентом кафедры классической филологии Петербургского университета. После защиты докторской диссертации, 24 мая 1904 г., он с 4 сентября 1904 г. стал экстраординарным профессором и лишь с 1 февраля 1913 – ординарным.

³³ Магистерская и докторская диссертации *Льва Платоновича Карсавина* (1882–1952) посвящены религиозной истории средневековой Италии. Первая – “Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII вв.” (СПб., 1912) защищена 12 мая 1912 г., вторая – “Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв., преимущественно в Италии” (Пг., 1919) защищена 27 марта 1916 г. Обе диссертации *Александра Александровича Васильева* (1867–1953) защищены в Петербургском университете – магистерская “Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморитской династии” (СПб., 1900) 21 января 1901 г. докторская – “Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI Философ и Константин VII Багрянородный” (СПб., 1902) – 13 октября 1902 г.

Обе диссертации *Эдвина Давидовича Гримма* (1870–1940) защищены в Петербургском университете – магистерская – “Исследование по истории развития римской императорской власти. Т. 1: Римская власть от Августа до Нерона (СПб., 1900) – 29 мая 1900 г., докторская – “Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. 2: Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия” (СПб., 1901) – 31 марта 1902 г.

³⁴ *Николай Георгиевич Адонц* (1871–1942) защищал в 1915 г. на восточном факультете Петербургского университета докторскую диссертацию “Дионисий Фракийский и армянские толкователи” (Пг., 1915). Рец. С.А. Жебелёва – Христианский Восток, 1916. Т. 5. Вып. 1. С. 67–72; *Петр Константинович Коковцов* (1861–1942) оппонировал 17 ноября 1902 г. в Петербургском университете на докторском диспуте *Бориса Александро-*

вича Тураева (1868–1920) по его кн.: “Исследования в области агриологических источников истории Эфиопии” (СПб., 1902). Отзыв Коковцова в “Журнале заседаний ученого совета Петербургского университета” (1902. № 58. С. 127–131) и “Записках Восточного отделения Русского археологического общества” (1906. Т. 17. Вып. 1. С. 051–073).

³⁵ *Григорий Филимонович Церетели* (1870–1939) защитил докторскую диссертацию “Новые комедии Менандра” (Юрьев, 1914) 2 февраля 1914 г.; *Зелинский Фаддей Францевич* (1859–1944) – филолог-классик; *Борис Леонидович Богаевский* (1882–1942) защитил магистерскую диссертацию “Земледельческая религия Афин” (Записки историко-филологического факультета Петербургского университета. Пг., 1916. Т. 130); *Мария Ивановна Максимова* (1885–1973) защитила магистерскую диссертацию “Античные фигурные вазы” (Пг., 1916) в 1918 г.; *Фармаковский Борис Владимирович* (1870–1923) – археолог и искусствовед; *Иван Иванович Толстой* (1880–1954) защищал магистерскую диссертацию “Остров Белый и Таврика на Эвксинском понте” (Пг. 1918); *Ростовцев Михаил Иванович* (1870–1952) – историк античности; *Шестаков Дмитрий Петрович* (1869–1937) – филолог-классик; *Март Николай Яковлевич* (1864–1934) – востоковед-кавказовед, с 1919 г. президент ГАИМК; *Фридрих Эрнстович Видеман* (1869–1919) пытался защитить в Петербургском университете изданную в 1910 г. в Лейпциге книгу “Начатки греческого письма”. Защита состоялась в 1912 г. в Новороссийском университете; *Николай Севастьянович Державин* (1877–1953) 3 апреля 1916 г. защитил магистерскую диссертацию “Болгарские колонии в России”; *Оскар Фердинандович Вальдгаузер* (1883–1935) – историк античного искусства.

³⁶ *В.К. Ернштедт* защитил в 1891 г. докторскую диссертацию “Порфирьевские отзывы в аттической комедии. Палеографические и филологические этюды” (Записки историко-филологического факультета. СПб., 1891. Ч. 26); *Петр Васильевич Никитин* (1848–1916) – филолог-классик.

³⁷ *Федор Иванович Шмит* (1877–1937) – историк и теоретик искусства, византист; *Яков Иванович Смирнов* (1869–1918) – историк искусства и археолог, академик.

³⁸ *Александр Васильевич Никитский* (1859–1921) защищал в октябре 1895 г. магистерскую диссертацию “Дельфийские эпиграфические этюды” (Одесса, 1894–1895. Ч. 1–6). Отзыв С.А. Жебелёва см.: Записки Русского археологического общества. 1896. Новая серия. Т. 8. Вып. 3–4. С. 404–407; Филологическое обозрение. 1896. Т. 10. С. 81–88; *Владимир Андреевич Завадский-Краснопольский* (р. 1871 г.) – преподаватель языков во 2-й Петербургской гимназии; *Владимир Петрович Мецкерский* (1839–1914) – издатель газеты “Гражданин”.

Обстоятельства диспута А.В. Никитского описаны в неизданных воспоминаниях филолога-классика, профессора Казанского и Новороссийского университетов Б.В. Варнеке “Старые филологи” (подготовлены к печати И.В. Тункиной). Инициатором несостоявшейся обструкции диссертанта автор мемуаров называет филолога-классика И.И. Холодняка. И.И. Холодняк считался своего рода “enfant terrible” в кругу петербургских антиковедов. «Я был на втором курсе, – пишет Б.В. Варнеке, – когда любимый ученик Соколова А.В. Никитский защищал свою магистерскую диссертацию по дельфийским надписям. И Соколов, и Ернштедт его расхвалили, как вдруг выскочил какой-то грязный студент и с юродивыми выкриками обрушился на него. Никитский опешил и по вялой работе своей мысли не сумел сперва его оборвать. Но придя в себя, в конце концов припер его к стене каким-то встречным

вопросом. Тот сперва забормотал что-то, беспомощно стал искать глазами поддержки, но, увидав в дверях спину стремительно удалявшегося Холодняка, беспомощно покаялся: "Мне этого не написали..." и сел с позором на лавку. Случай этот надолго привлек к себе внимание филологического мирка. Писали о нем и в газетах. Его незадачливым героем оказался некто Завадский-Краснопольский, позже и в звании учителя 2-й гимназии дававший немало пищи своими более чем странными выходками, понав чуть не в герои японской войны не то вызовом японскому микадо, не то шпионством в его пользу. И вот очень скоро этот юродивый стал уверять, что его убедил выступить и написал ему возражения... И.И. Холодняк». Далее Б.В. Варнеке описывает обстоятельства своего отказа от аналогичного предложения И.И. Холодняка выступить в дискуссии на докторском диспуте М.Н. Крашенинникова, состоявшемся в ноябре 1895 г.

Борис Васильевич Варнеке (1874–1944); Иван Ильич Холодняк (1857–1913).

Политическая газета консервативной ориентации "Гражданин", издавалась в Петербурге в 1872–1914 гг. князем В.П. Мещерским (в 1887–1914 гг. выходила ежедневно).

³⁹ *Николай Михайлович Бубнов (1858–1943)* в 1891 г. был удостоен степени доктора всеобщей истории Петербургского университета за трехтомник "Сборник писем Герберта как исторический источник (983–997)". Критическая монография по рукописям; *Алексей Александрович Шахматов (1864–1920)* – выдающийся лингвист, филолог, историк, в будущем академик – получил в 1893 г. в Московском университете степень доктора, минуя степень магистра. В 1878 г. Московский университет присудил степень доктора истории *honoris causa Василию Григорьевичу Васильевскому (1838–1899)*, в будущем академику за цикл исследований по русско-византийским отношениям в IX–XI вв. В 1887 г. *Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс (1856–1912)* был удостоен звания почетного доктора греческого языка, словесности и древности в 1887 г. В 1909 г. *Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920)* был утвержден в звании почетного доктора русского языка и словесности Харьковского университета. В 1864 г. совет Харьковского университета удостоил *Каэтана Андреевича Коссовича (1815–1883)* степени почетного доктора сравнительного языкознания. В 1864 г. совет Петербургского университета присудил *Федору Федоровичу Сидонскому (1805–1873)* степень почетного доктора философии. По представлению академика И.И. Срезневского покинувший по политическим мотивам Австро-Венгрию *Игнатий Викентьевич Ягич (1838–1923)* получил в 1870 г. в Петербургском университете степень почетного доктора славянской филологии. В 1886 г. Новороссийский университет единогласно избрал будущего академика *Ивана Парфеньевича Бородина (1847–1930)* почетным доктором ботаники. О присуждении докторской степени философу *Ивану Ивановичу Лапшину (1870–1952)* сведений найти не удалось.

⁴⁰ Речь идет о серии справочников, издававшейся академической Комиссией "Наука в России" (создана в 1916 г. под руководством С.Ф. Ольденбурга, в 1920–1921 гг. находилась в ведении Российской книжной палаты (Институт книговедения), с 1922 г. вновь вошла в состав подразделений РАН, позднее называлась Комиссия "Наука и научные работники СССР". В 1933 г. была реорганизована в Комитет учета и изучения научных сил СССР, КУИНС). Справочники включали сведения о научных учреждениях, вузах, музеях, обществах, периодических изданиях и т.п. различной ведом-

ственной принадлежности, а также биографические данные о лицах, ведущих научную работу. Первоначально подготовка к изданию серии велась с помощью анкетирования параллельно в Петрограде-Ленинграде под руководством В.Н. Бенешевича по гуманитарным наукам и в Москве, по точным наукам совместно с редакцией журнала "Природа" (создан в 1912 г.). С 1918 г. работа велась при участии сотрудников Наркомпроса, Научной комиссии Научно-технического отдела ВСНХ и Центрального совета Секции научных работников просвещения СССР. При подготовке книг использовались не только анкеты учреждений и лиц, но и автобиографии, собранные Домом ученых. См.: Наука в России: Справочный ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. Пб., 1920. Вып. 1: Петроград; То же. Пб., 1922. Вып. 2; Наука в России: Справочник. Данные к началу 1922 г. М.; Пг., 1923; [Часть 2:] Научные работники Петрограда; Наука и научные работники СССР: Справочник. М., 1925. Вып. 4: Научные работники Москвы; Наука и научные учреждения СССР. Л., 1926. Ч. 2: Научные учреждения Ленинграда; То же. Л., 1930; Ч. 4: Научные работники Москвы с приложением перечня научных учреждений Москвы; То же. Л., 1934. Ч. 5: Научные работники Ленинграда. С приложением перечня научных учреждений Ленинграда; То же. Л., 1928. Ч. 6: Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда.

⁴¹ Упомянуты *Николай Федорович Дергачев (1884–1958)* – филолог-классик; *Сергей Иванович Соболевский (1864–1963)* – филолог-классик, член-корреспондент Академии наук; *Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863–1942)* историк-медиевист, академик.

⁴² Утрата части гражданских прав и преимуществ (лат.).
⁴³ Востоковед *Василий Васильевич Струве (1889–1965)* защищал в 1928 г. диссертацию "Манefon и его время" (Записки коллегии востоковедов. 1929. Т. 3. Вып. I. С. 109–185; 1930. Т. 4. С. 159–248); *Моисей Семенович Альтман (1896–1986)* – литературовед, специалист по древнегреческой литературе; *Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955)* – историк античной литературы – защищала диссертацию "Происхождение греческого романа" 14 ноября 1924 г. в ЛГУ. Оппонентами были *Александр Иустинович Малейн (1869–1938)* – филолог-классик, *Иван Иванович Соколов (1875–1939)* – историк-византист, И.И. Толстой и С.А. Жебелёв.

⁴⁴ В марте 1934 г. решением Президиума АН СССР были образованы квалифицированные комиссии по всем академическим специальностям с целью "присмотреть всех старших специалистов и аспирантов с точки зрения их соответствия степени кандидата". В квалификационные комиссии вошли: по истории – председатель академик *Вячеслав Павлович Волгин (1879–1962)*, члены – академик *Николай Михайлович Лукин (1878–1940)*, академик *Иван Иванович Мецианинов (1883–1967)*, академик *Д.М. Петрушевский*; по русскому языку и литературе – председатель академик *Александр Сергеевич Орлов (1871–1947)*, члены – академик *Владимир Николаевич Перетц (1870–1935)*, академик *Н.С. Державин*; по языкам и литературе Востока – председатель академик *И.И. Мецианинов*, члены – академик *Александр Николаевич Самойлович (1880–1938)*, академик *Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951)*, *Абрам Моисеевич Деборин (1881–1963)* – философ-марксист; *Сергей Иванович Солнцев (1872–1936)* – экономист, социолог; *Борис Дмитриевич Греков (1882–1953)* – специалист по русской истории; *Евгений Георгиевич Кагаров (1882–1942)* – историк античности, филолог-классик, этнограф; *Николай Кирикович Пиксанов (1878–1969)* – ли-

тературовед; *Владимир Федорович Шишмарев* (1875–1957) – филолог; *Петр Петрович Ефименко* (1884–1969) – археолог; *Семен Григорьевич Томсинский* (1894–1938) – историк-марксист; *Федор Инполитович Шербатской* (1866–1942) – востоковед-индолог.

⁴⁵ Вследствие этого, в силу этого (лат.).

⁴⁶ *Иван Афанасьевич Бычков* (1858–1944) – археограф, библиограф, член-корреспондент Академии наук.

⁴⁷ *Дмитрий Власьевич Айналов* (1862–1939) – историк искусства, член-корреспондент Академии наук; *Сергей Петрович Шестаков* (1864–1940) – филолог-классик; *Николай Иванович Новосадский* (1859–1941) – филолог-классик, член-корреспондент Академии наук; *Иосиф Абгарович Орбели* (1887–1961) – востоковед, кавказовед, в будущем академик.

⁴⁸ *Александр Александрович Бусыгин* – философ-марксист; *Матвей Александрович Гукровский* (1898–1971) – историк-медиевист; *Павел Иванович Воробьев* (1894–1937) – востоковед, лингвист.

⁴⁹ *Сергей Николаевич Быковский* (1896–1936) – член РКПб с 1918 г., работал в ГАИМК, ЛГУ; *Владислав Иосифович Равдоникас* (1894–1976) – археолог; *Александр Юрьевич Якубовский* (1886–1953) – востоковед, историк и археолог; *Андрей Иванович Востриков* (1904–1937) – востоковед-санскритолог.

⁵⁰ *Владимир Германович Богораз* (1865–1936, псевдоним Н.А. Тан) – этнограф, лингвист, поэт, прозаик, общественный деятель; *Юлжан Григорьевич Оксман* (1894–1970) – историк русской литературы. Богораз, Равдоникас, Богаевский и Оксман в те годы активно сотрудничали с советской властью, что вызывало настороженное отношение к ним ученых старой школы.

⁵¹ То есть Институт книги, документа, письма АН СССР (ИКДП). Основан в 1925 г. как Музей палеографии АН СССР, с 1930 г. назывался Музей книги, документа, письма, в 1931 г. преобразован в институт, в 1936 г. вошел в состав Института истории АН СССР (ныне Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН).

⁵² *Александр Григорьевич Фомин* (1887–1939) – историк русской литературы, библиограф.

⁵³ *Соломон Яковлевич Лурье* (1890–1964) – филолог и историк-классик.

⁵⁴ Без задержки (лат.).

⁵⁵ Имеется в виду труд Б.Н. Гракова “Древнегреческие керамические клайма с именами астиномов” (М., 1929).

⁵⁶ *Петр Викторович Ернштедт* (1890–1966) – филолог, коптолог, папиролог.

⁵⁷ С позволения сказать (лат.).

⁵⁸ Пострадала (др.-греч.).

⁵⁹ В 1929–1933 гг. в ГАИМК проводилась “марксистская перестройка”, главную роль в которой играла администрация (Н.Я. Марр, С.Н. Быковский, Ф.В. Кипарисов), общественные организации, сотрудники-коммунисты и молодые аспиранты.

1 августа 1930 г. на заседании Бюро коллектива членов ВКП(б) АН СССР было рассмотрено заявление академика Н.Я. Марра с просьбой о приеме в партию. Бюро единогласно постановило принять Н.Я. Марра кандидатом в члены партии с двухгодичным стажем, но, вероятно с санкции Сталина, уже 4 сентября того же года академик досрочно был переведен из кандидатов

в члены ВКП(б), хотя за всю историю компартии такой чести удавалось лишь несколько человек. (См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 2019. Оп. 2. Д. 22. Л. 89, 92). В 1931 г. Н.Я. Марр избирается членом ВЦИК и ВЦСПС.

В марте 1931 г. в ГАИМК была создана своя первичная парторганизация (первоначально входила в состав парторганизаций учреждений Ленинградского отделения Главнауки; в 1931–1934 гг. в структуре Смольнинского райкома ВКП(б), с 1936 г. – Дзержинского райкома). В 1933 г. в число членов и кандидатов в члены ВКП(б) ГАИМК входили: комендант В.П. Абакумов (исключен из партии 15 октября 1933 г.), К.Г. Болтенко, заместитель председателя С.Н. Быковский, аспирант В. Зыбковец-Атрошенко, снабженец И.В. Каманов, заместитель председателя Ф.В. Кипарисов, папиролог О.О. Крюгер (единственный, но “пассивный” коммунист в античном секторе; исключен 15 октября 1933 г.), научный сотрудник феодального сектора С.А. Лотте, аспирант С.А. Майзель, Е.К. Некрасова, А.Г. Пригожин, В.К. Сухотина, заведующий феодальным сектором (с 1934 г. – директор Феодального института) М.М. Цвибак (исключен из партии “как оппозиционер-зиновьевец” 29 декабря 1934 г.). Начала действовать и первичная комсомольская организация, которая в 1934 г. исключила из своих рядов Е.Ю. Кричевского из-за “сокрытия социального происхождения”. См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 1471. Оп. 1. Св. 1. Д. 16. Л. 26; Д. 18. Л. 1, 47; Св. Д. 22. Л. 78; Д. 23.

В 1930–1931 гг. структура ГАИМК была реорганизована: вместо трех отделений создаются сектора (в соответствии с марксистской схемой общественно-экономических формаций), внутри которых функционируют проблемные группы или бригады, заменившие разряды, работающие над историко-социологической тематикой. Это сектора: доклассового общества (архаической формации) из 8 групп, античной (рабовладельческой) формации, феодальной формации из 8 групп. Осенью 1930 г. по инициативе Н.Я. Марра в Академию приглашаются историки, лингвисты, этнографы, антропологи, востоковеды. В 1934 г. сектора преобразованы в научно-исследовательские институты истории доклассового, рабовладельческого и феодального общества, создано три научно-организационных сектора и три научно-вспомогательных учреждения. В структуре ГАИМК образовано 20 кафедр: Институт археологической технологии переименован в Институт исторической технологии. Подробнее см.: *Борисковский П.И.* Первые 30 лет Института археологии АН СССР // КСИА. 1980. № 163. С. 6–8; *Мавродин В.В.* Первые историки в Государственной Академии истории материальной культуры // Там же. С. 32–34; *Тиханова М.А.* Из прошлого института археологии АН СССР // Там же. С. 35–36; *Шелов Д.Б.* 70 лет Институту археологии // Материалы конференции “Археология и социальный прогресс”. М., 1991. Вып. 1. С. 11–14; *Длужневская Г.В.* Деятельность РАИМК–ГАИМК: 1919–1937 г. // Там же. С. 39–41; *Формозов А.А.* Русские археологи до и после революции. М., 1995. С. 49–59.

⁶⁰ *Федор Васильевич Кипарисов* (1886–1936) – член РКПб с 1905 г., заместитель председателя ГАИМК; *Сергей Иванович Ковалев* (1886–1960) – историк античности; *Сергей Митрофанович Дубровский* (1900–1970) – историк-марксист; *Александр Иосифович Кауль* (р. 1887 г.) – большевик, работал в ГАИМК.

⁶¹ *Михаил Георгиевич Худяков* (1894–1936) – историк и археолог, специалист по древностям Поволжья.

⁶² *Александр Ильич Тюменев* (1880–1959) – историк-марксист, специалист по истории древнего мира; *Петр Яковлевич Сальдау* (р. 1879 г.) – химик, горный инженер, участник революционного движения. Работал в ГАИМК.

⁶³ *Отто Оскарович Крюгер* (1893–1967) – антиковед, папиролог. Член РКПб с 1929 г.

⁶⁴ *Татьяна Николаевна Книпович* (1896–1975) – антиковед, археолог, эпиграфист, историк искусства. Хотя С.А. Жебелёв пишет о присуждении ей степени доктора, этого, видимо, не произошло. Судя по личному делу Книпович в архиве ИИМК, она защищала кандидатскую диссертацию в 1938 г., а докторскую – в 1939 г.

⁶⁵ *Сигизмунд Натанович Валк* (1887–1975) – специалист по русской истории, археограф и источниковед.

⁶⁶ Мнимые, ненастоящие, фальшивые, якобы доктора (лат.).

⁶⁷ Незнающие доктора (лат.).

Список сокращений

- ВДИ – Вестник древней истории.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ИА – Институт археологии Российской академии наук.
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры.
И ИМК – Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
ИОЛЕА – Известия Общества любителей естествознания и антропологии при Московском университете.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории и материальной культуры Академии наук СССР.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
РГБ – Российская государственная библиотека.
СА – Советская археология.
СЭ – Советская этнография.
ЦГАИ ПД – Центральный государственный архив историко-политических документов. Санкт-Петербург.